

УРИЛЬ МЕТЕОРЪ
(И. А. Сильвай)

АВТОБІОГРАФІЯ

ЛЕНСЬ МЕНА

Надано при содѣйствіи
Русскаго Національнаго Фонда.

„И Н Г Ы М Ъ Н Д“

ТИПОГРАФІЯ „ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ“ ВЪ УЖГОРОДѢ

Ся книга — «Автобіографія» Уривла Метеора (Ивана Антоновича Сильвая) вышла въ издааніи Письмениа въ Ужгородѣ при содѣйствіи общества «Русскій Національный Фондъ» въ Мукачевѣ и газеты «Русскій Народный Голосъ» въ Ужгородѣ, въ связи со столѣтіемъ со дня рожденія ея автора и отпечатана въ типографіи «Школьная Помощь» въ Ужгородѣ въ іюні 1938 года.

УРИЛЪ МЕТЕОРЪ
(Н. А. Сильвай)

АВТОБІОГРАФІЯ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Иванъ Антоновичъ Сильвай (Уриналь Метеоръ) оставилъ намъ богатое литературное наслѣдство, которое, однако, и до сихъ поръ полностью еще не опубликовано и не разработано. Область его творчества чрезвычайно широка; онъ писалъ стихи въ формѣ церковныхъ пѣнопѣній, балладъ, сатиръ и философскихъ размышлений; его художественная проза содержитъ рядъ бытовыхъ повѣстей правдиво и красочно рисующихъ социальныя условія жизни карпато-русскаго села («Бѣда нѣтъ жидка», «Шестакъ», «Иль-за одной рюмки водки», «Сирота»), небольшія повѣсти и рассказы историко-романтическаго характера («Денница между звѣздами», «Мати и невѣста») и, наконецъ, цѣлый рядъ произведеній сатирическаго характера, въ которыхъ онъ обнаруживаетъ исключительное мастерство и мѣткость. Къ послѣднимъ относятся рассказы, бичующіе современность («Крайцарова комедія», «Однодневное царство», «Люди въ желѣзныхъ шляпахъ», «Пупакъ») и произведенія общаго философско-сатирическаго смысла («Натерпится гораздъ...», «Милліонеръ», «Повѣсть повѣстей»). Всѣ эти произведенія были напечатаны въ журналахъ «Свѣтъ», отчасти «Новый Свѣтъ» и «Карпаты» (Ужгородъ), въ «Мыслословахъ» и въ галицко-русской газетѣ «Слово». Особымъ изданіемъ вышла его проповѣдь въ

2-хъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Другій Свѣтъ» (Ужгородъ, 1898). Обширная статья «Положеніе угорскихъ русскихъ подъ управленіемъ еп. Стефана Панковича» появилась въ Россіи въ «Славянскомъ Сборникѣ» (Спб., 1875).

Изъ неопубликованныхъ сочиненій И. А. Сильвая известны нѣкоторыя стихотворенія, сборникъ «Наши Сокровища», представляющій собою рядъ очерковъ съ описаніемъ нѣкоторыхъ церквей, святыхъ мѣстъ, иконъ и церковныхъ цѣнностей и, наконецъ «Автобіографія», которую нынѣ мы въ полномъ видѣ предлагаемъ вниманію читателей.

Время написанія «Автобіографіи» можно установить съ достаточной точностью. Въ самомъ ея концѣ говорится о выходѣ въ свѣтъ перваго тома проповѣдей Сильвая «Другій Свѣтъ» и указывается, что «второй неодолага появится». Такъ какъ первый томъ проповѣдей вышелъ въ мартѣ 1898 году, а второй съ помяткою 1898 года въ началѣ 1899, то дата окончанія труда устанавливается съ точностью. Кроме того, 20 мая 1899 года Сильвая былъ переведенъ въ Новое Давыдково, о чемъ упоминанія въ «Автобіографіи» нѣтъ. Такъ какъ въ текстѣ уже ранее упоминаются 1896 и 1897 годы, то время написанія относится къ 1898 году, т. е. когда Сильвая было шестьдесятъ лѣтъ, что также находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что писатель говоритъ въ «Автобіографіи» о своемъ преклонномъ возрастѣ.

Такимъ образомъ, въ нынѣшній годъ наданія исполняется 40 лѣтъ со времени написанія «Ав-

тобіографіи» И. А. Сильвая, которая въ области карпаторусск. литературы представляетъ явление чрезвычайной важности. «Біографія одного котораго нибудь изъ дѣятелей литературы собственно не иное есть, какъ отраженіе біографіи всего народа» — говоритъ писатель во вступительныхъ замѣчаніяхъ, и это свое воззрѣніе, дѣйствительно, онъ выдерживаетъ до конца. Его «Автобіографія» является цѣннѣйшимъ документомъ біографическаго, историческаго и общественно-національнаго значенія, кромѣ того она сама по себѣ представляетъ цѣлую систему міро-воззрѣнія патріота-реалиста, испытаннаго судьбой, знающаго относительность соотношеній между правомъ и силой и не склоняющаго голову передъ спасенностью. «Автобіографія» — это ключъ къ пониманію личности и творчества Уріида Метеора, а равно и ключъ къ распознаванію той эпохи жизни карпаторусскаго народа, когда онъ, достигнувъ относительной свободы въ 1848—1852 годахъ, въ теченіи полустолѣтія упорно сопротивлялся новому виду своего національнаго порабощенія.

«Автобіографія» дошла до насъ въ двухъ спискахъ, написанныхъ самимъ авторомъ и нынѣ находящихся въ рукахъ: сына Ив. А. Сильвая-Уріида (черновой) и д-ра А. М. Гагатю въ Ужгородѣ. Кромѣ того извѣстно нѣсколько списковъ съ подлинниковъ, какъ полныхъ, такъ и въ отрывкахъ. Мы при изданіи пользовались однимъ изъ такихъ списковъ, свѣренныхъ съ подлинникомъ, любезно предоставленнымъ для напечатанія Русскимъ Національнымъ Фондомъ.

Отрывки изъ «Автобіографіи» были напечатаны А. В. Поповымъ въ журналѣ «Карпатскій Край» (Мукачєво, 1924, №№ 3—10), съ нѣкоторыми стилистическими исправленіями, и проф. И. О. Панасомъ въ «Научномъ Сборникѣ въ честь президента Т. Г. Масарика» (Ужгородъ, 1931, «Карпаторусскіе отзвукы русскаго похода въ Венгрію 1849 г.», стр. 209—229) съ точной передачей подлинника. Полный текстъ «Автобіографіи» опубликованъ въ газетѣ «Русскій Народный Голосъ» №№ 55—94, 1938 года.

При изданіи «Автобіографіи» нмыѣ мы стремились къ тому, чтобы текстъ передать точно такъ, какъ онъ былъ написанъ авторомъ. Мы оставили въ неизмѣнномъ видѣ все словарныя, грамматическія и стилистическія особенности, поскольку они не мѣшаютъ точному воспріятію смысла текста. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, затрудняющихъ чтеніе, мы внесли исправленія, сдѣлавъ при томъ осылки внизу страницъ; даѣе, слова и слоги, излишне внесенныя писателемъ, мы заключили въ круглыя скобки (), равно какъ и слова и слоги явно пропущенныя ввели, заключивъ ихъ въ прямыя скобки []. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ интересахъ чтенія мы дополнили знаки препинанія и особо длинные періоды разбили на части, поставивъ вмѣсто запятыхъ — точки съ запятыми.

Важнѣйшую бібліографію о И. А. Сильваѣ помещаемъ въ концѣ книги.

УРИЛЪ МЕТЕОРЪ
(Иванъ А. Сильвай)

АВТОБІОГРАФІЯ

1. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ЖИЗНИ И РАЗВИТІЯ КАРПАТО-РУССКАГО НАРОДА.

Начертаніе автобіографіи равняется предпріятію живописца, когда онъ становится передъ зеркаломъ, съ черты на черту начнетъ намѣчать собственный образъ на полотнѣ. Прежде чѣмъ принялся бы онъ за свою работу, необходимо стараться объ удобномъ освѣщеніи. Потому, если его искусство не отступаетъ отъ вѣрности, изъ-подъ его кисти выступаетъ его образъ подобнымъ тону, какимъ онъ созданъ отъ Бога. Въ начертаніи одного скромнаго дѣлателя, работающаго на нивѣ литературы, чтобы его духовный образъ вышелъ вѣрнымъ, онъ, подобно живописцу, долженъ становится передъ зеркаломъ въ соответственномъ освѣщеніи. Такимъ зеркаломъ служить для него народъ, изъ крови и костей котораго онъ происходитъ, освѣщеніемъ — служить вѣковая судьба или благопріятныя и противныя обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ, съ черты на черту слагался духовный образъ народа, и создался гений самаго литературнаго дѣлателя. Итакъ біографія одного, котораго-нибудь изъ дѣлателей литературы, собственно не иное есть, какъ отраженіе біографіи народа.

Какъ отъ условія правнльнаго круженія крови зависитъ жизнь, здоровье, и развитіе тѣла, такъ отъ того-же условія зависитъ и развитіе составныхъ частей. То само условіе удобопримѣнимо и къ судьбѣ известнаго народа и его членовъ потому, что функція поодинокихъ членовъ стоитъ въ тѣсномъ союзѣ съ судьбою его. Освѣщеніе этого вопроса есть предисловіе бытовой книги, содержащее въ себѣ начертаніе въ какой народной физиономіи, равно какъ въ союзѣ съ нею автобіографія нѣкотораго народнаго труженника, если она вѣрна, болѣе умѣстна всякаго иного предисловія въ заглавіи его умственныхъ произведеній.

Развитіе народа равняется развитію всякаго отдѣльнаго человѣка, который, переходя изъ одного возраста въ другой, вконецъ доходитъ до своей полносильной возмужалости. Есть дѣтскій возрастъ, когда слабый ребенокъ нуждается въ помощи, чтобы пріучиться стать на своихъ ногахъ, есть возрастъ самосознанія, цвѣтущей юности, и полности силъ. Между тѣмъ его бытіе не обходится и безъ болѣзней, и множества другихъ вредныхъ обстоятельствъ, которыя неблагопріятно отзываются на его развитіи, и даже подвергаютъ его жизни опасности. Есть далѣе время престарѣлости, изнеможенія, разложенія, табнія, и конечной гибели. Разница только въ томъ, что въ жизни отдѣльнаго человѣка возрастъ за возрастомъ слѣдуетъ быстро, бытіе его ограничено краткимъ временемъ, а жизнь народовъ, особенно меньшихъ, развивается мед-

ленно, и если имъ не суждено быть поглощаемымъ отъ боляе сильныхъ, можетъ продаться на неопредѣленный рядъ вѣковъ.

Что касается судьбы живущаго на Карпатахъ проамнаціоннаго Угро-русскаго народа, боляе не сказать, онъ равняется испоконъ своего бытія опеленанному нерасторжннми повязками дѣтнцу, худокровному, тцедушному, безпомощному, который можетъ быть никогда не стоялъ на своихъ ногахъ, никогда не выходилъ изъ своего малолѣтства, изъ подъ чужой опеки, и, кажется, никогда и не выйдетъ изъ подъ ней. Все, что поддерживало прозлбаніе его жизни въ прошедшемъ, и что поддерживаетъ до нынѣ, это есть его правднная вѣра, церковь и церковно-славянскій языкъ. Съ воздыханіемъ и резнгнаціею подумавеш на судьбу ннмхъ, хотя и малыхъ, но составляющихъ самостоятельное тѣло, живущихъ независнмою жизнью народовъ, которымъ никто и ничто не препятствуетъ пользоваться своими естественными правами. Они въ развитіи своихъ природныхъ силъ, они могутъ поступить, какъ имъ самимъ угодно, немало не стѣсняясь повязками чужихъ племнъ.

Въ бытіи народовъ литература не меньше значить, какъ душа въ тѣлѣ. Безъ ней можетъ про существовать извѣстный народъ и за дальшее время, но никогда не выйдетъ изъ своего малолѣтства; можетъ даже дѣлать завоеванія сырою силой, но его вліяніе недолговѣчно; прежде или позже ему суждено исчезнуть съ анца земан, раздробиться, по частямъ слиться съ другими,

обогащать собою составъ болѣе развитыхъ. Какъ въ развитіи человѣка, отъ перваго слабого сознанія, до его полной зрѣлости, есть болѣе едва замѣтныхъ переходовъ, такъ и въ развитіи анте-ратуры отъ зародыша скороувядаемыхъ весеннихъ цвѣтковъ до созрѣлыхъ плодовъ, есть много степеней успѣянія. Трудъ первыхъ подвижниковъ пропадаетъ въ расчисткѣ и предуготовленіи скалистой почвы, слѣдующіе за ними принимаются удобрить и воздѣлать ниву, пытаются засѣять тѣми самородными сѣменами, которыя сердце ихъ получило въ даръ отъ народнаго генія. Восходятъ первые ростки. Но у находящагося въ дѣтскомъ возрастѣ народа, и народный геній малоаѣтень, потому и зароненное имъ въ сердце сѣмя восходитъ въ видѣ соотвѣтныхъ дѣтскому возрасту ростковъ. Если первую и слѣдующія за нею попытки сѣянны оросить одушевленіемъ, согрѣеть солнцемъ любви, при вѣяніи свободы слѣдуетъ плодъ самосознанія, и дальшее успѣяніе, въ противномъ случаѣ нива снова запустѣетъ и заглохнетъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что на развитіе народовъ имѣютъ немалое вліяніе и климатическія условія, плодородіе земан, удобство мѣстопробыванія, соприкосновеніе съ сосѣдними народами, и много другихъ обстоятельствъ. Потому одни одарены болѣею воспріимчивостію къ развитію, чѣмъ другіе. слѣдовательно такіе счастливыя скоро подвигаются напередъ и оставляютъ отстающихъ далеко за собою. Но безсомнѣнно, что малымъ, слабымъ и пригнетеннымъ народамъ въ

успѣху никогда не измѣрится съ великими, могущественными и богатыми народами. Успѣхъ такихъ происходитъ не по вѣкамъ, и не по десятилѣтїямъ, но по днямъ и даже по часамъ. Известно не дается сравнить состоянїе малаго, едва пробуждающагося къ сознанию народа съ нѣкоторымъ великаномъ, но для обоихъ есть одинъ законъ, которому они подлежатъ. Именно, въ дѣлѣ развитїя есть только двѣ возможности: или успѣхъ или застой, то есть упадокъ. При томъ, какъ высоко не взошла бы извѣстный народъ въ своемъ развитїи, онъ никогда не можетъ приостановиться и сказать, что онъ достигъ степени совершенства, потому, что совершенство человѣчески недостижимо. А если и достижимо, нѣтъ такого богатства, которое не могло бы умножиться. Изъ сего начала выходитъ то неоспоримое положенїе, что мы живемъ не для однихъ себя, но и для будущихъ поколѣнїй. Малы ли мы или велики, находимся ли мы въ малолѣтствѣ, или на верху возмужалости, въ предвидѣнїи лучшихъ дней должны мы прилагать все усилїе, принести послѣднюю лепту въ даръ своему родному племени, потому что жизнь человѣка сущается пользою, принесенною для общаго блага. Если она истечетъ безъ пользы для современниковъ, и безслѣдно для потомковъ, то она равняется пути перелетной птицы или челну, проходящему чрезъ рѣку отъ одного берега къ другому. На смѣну прожившему свое время — является другой кто нибудь, и занимаетъ опорожненное мѣсто удалившагося.

Неоспоримо то положеніе, что: тому народу предстоит блестящая будущность, которому Богъ даруетъ много великихъ умовъ. Назначеніе ихъ, въ отношеніи къ составнымъ частямъ народа таково, какъ назначеніе рѣкъ, которыя служатъ вмѣстивающимъ множества ручьевъ, потоковъ и рѣчекъ. Въ ихъ величинѣ сосредоточается, кристаллизуется, и возрастаетъ весь народъ, они состоятъ артеріями народной жизни, въ нихъ отражается образъ, сила, совѣсть, душа народа. Они живутъ народомъ и въ народѣ, и народъ живетъ въ нихъ. Такіе люди безсомнѣнно составляютъ счастье для своихъ соплеменниковъ, но явленіе ихъ много зависитъ отъ благопріятнаго времени и обстоятельствъ.

Становясь на основаніи того обстоятельства, что живущій на Карпатахъ Угровскій народъ въ своемъ развитіи остался позади всѣхъ прочихъ Европейскихъ народовъ, слѣдовало бы необходимо прийти къ такому заключенію, что этотъ народъ уже по своей природѣ рождается крайне бездарнымъ, изъ его среды не исходятъ такіе люди, которые подвинули бы его напередъ, или они появлялись рѣдко, и были до того малочисленны, что ихъ бытіе происходило безъ вліянія для современниковъ и безъ слѣда для потомковъ. Или, если они рождались, были подвержены такому несчастливому року, что прежде чѣмъ бы они успѣли прийти къ самосознанію, ихъ пожирала нѣкоторая чужая стихія. По этой причинѣ за ними никогда не признавалось права на политическое существованіе, по крайней мѣрѣ у

него нѣтъ ни отличительнаго народнаго знамени, ни геральдическаго герба.

Исторія упоминаетъ о княженіи Федора Корятовича, и о томъ, что престолонаслѣдники Угорскихъ королей пользовались названіемъ „Dux Ruthenorum“. Упоминается, что у королей русскіе были иногда царедворцами, тѣлохранителями, и сторожами. Въ дворѣ знаменитаго князя Раковци они были придворными „Palotás“ ами. Все это является и исчезаетъ въ прошедшихъ вѣкахъ, какъ свѣтлые призраки, а съ тѣхъ поръ кругозоръ сталъ все болѣе затмеваться, прозябаніе народа ограничилось церковною жизнью подъ руководеніемъ его Архи-іереевъ, которые сами за данное время были принуждены отбиваться отъ напастей и несправедливыхъ притязаній Ягерскихъ латинскихъ Архи-епископовъ. Въ 50-ыхъ годахъ настоящаго столѣтія еще разъ проблеснуло свѣтлое имя Адольфа Ивановича Добрянскаго, потомъ снова все становилось тихо и мертво.

Дерево принуждено прозябать на томъ мѣстѣ, гдѣ пустыла корни зароненное иногда въ землю его сѣмя. Но если на томъ-же мѣстѣ растутъ больше разнородныхъ деревь, корни болѣе сильныя вскорѣ возмужаютъ на счетъ слабшихъ, высоко поднимая къ верху, и расширяя по сторонамъ вѣнецъ своихъ вѣтвей надъ менѣ развитыми. Они роскошествуютъ, потому что имъ принадлежитъ сокъ жизни, теплота лучей солнечныхъ, роса дождей и всѣ остальные условія тѣни. Быть угрорусскаго народа равняется быту

развiтiя, насупротивъ, слабыя — въ постоянной тѣни. Быть Угрюрусскаго народа равняется быту деревца, прозябавшаго въ вѣковой тѣни, потому остался малъ ростомъ, худосоченъ, не развитъ. Къ тому, чтобы у извѣстнаго народа развилась и процвѣтала культура, благосостоянiе, литература, требуются благоприятныя условiя, а такихъ условiй у угрюрусскаго народа не было.

Извѣстно то обстоятельство, если кто иибудь принужденъ обходиться безъ свѣта долгое время, не только отвыкнетъ отъ него, но глаза его ослабѣваютъ, для нихъ становится оскорбительнымъ, иногда даже совсѣмъ теряется видѣнiе. Черезъ такой вѣковой прогрессъ прошелъ и угрюрусскiй народъ. Онъ, будучи обреченъ къ пребыванiю въ тѣни и темнотѣ, то совсѣмъ естественное дѣло, что у него не могла развиться литература, насупротивъ, то было бы единственнымъ въ мiрѣ чудеснымъ явленiемъ, если бы у него при данныхъ условiяхъ она развилась. Завидна доля тѣхъ народовъ, у которыхъ молодыя поколѣнiя могутъ образоваться въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведенiяхъ на родномъ языкѣ, у насъ же языковѣдѣнiе начинается въ сельскихъ школахъ букваремъ, и почти кончается букваремъ. Всѣ тѣ изъ нашихъ людей, которые или въ прошедшемъ, или настоящемъ времени, отличались знанiемъ своего роднаго языка, они приобрѣли свое знанiе не въ школахъ, но собственнымъ прилежанiемъ. Значитъ, они всѣ были самоучки въ похвальномъ значенiи слова.

Конечно, нельзя назвать такую судьбу розовой, когда успѣяніе и развитіе народа поставлено въ зависимость отъ числа самоучекъ. Посмотришь на живописныя, лѣсомъ покрытыя горы, и горнія поляны, на пересѣкаемыя рѣками долины, все это прекрасно, и составляетъ источникъ дохода владѣльцамъ, только что этотъ владѣлецъ не народъ. Его имущество состоитъ изъ добрыхъ частицъ обезсѣленной земли, скудное плодородіе которой едва награждаетъ трудъ ея дѣлателью, и не только не достаточно для прокормленія семействъ, но едва хватаетъ для покрытія непосильныхъ налоговъ. Пока мірская интеллигенція отпадаетъ отъ народнаго тѣла, того самого часа, когда ей удастся добиться какого нибудь чиновства, подъ тѣмъ народный приростокъ изъ земледѣльческаго сословія, какъ изаннисе время, не имѣя другихъ средствъ прожитія, беретъ въ руку свою нищенскую палку, идетъ на низовья для добытія насущнаго хлѣба, безслѣдно исчезаетъ, и убожшаетъ собою составъ инкоплеменниковъ. Иные отправляются за море въ Америку и новѣйше въ Бразилію; кому тамъ улыбнется немножко счастье, тотъ поселяется въ новой отчизнѣ навсегда, и больше не возвращается на родину. Между тѣмъ домашній горизонтъ остается такимъ-же темнымъ, какъ бмалъ передъ вѣками, все народное развитіе сводится на церковную жизнь, и на существованіе языка. Церкви становятся вмѣсто гимназій и университетовъ, самоучки становятся представителями ин-

тературы, а жизнь бѣднаго народа служить вмѣсто театра, въ которомъ преобладають драматическіе сюжеты. Лучше, онъ живая драма.

Однако-жъ при всемъ истощеніи силъ угрорусскаго народа, есть одно обстоятельство, которое его предохраняеть отъ конечнаго исчезновенія. Именно его языкъ, есть языкъ исполнискаго народа, литература котораго стоитъ на уровнѣ прочихъ культурныхъ народовъ Европы, и обладаетъ силою по мѣрѣ своего величія въ культурномъ успѣшнѣи идти впередъ громадными шагами. Итакъ, жизненная сила крошечнаго угрорусскаго народа заключается не въ политическомъ его сознаніи, отъ котораго онъ по своей ничтожности не можетъ ничего приобрести, не можетъ ничего и утратить, но заключается въ единствѣ языка и литературы, и въ единствѣ обрядовъ церковныхъ. Прямо въ его политической незнателности и безсиліи есть залогъ его счастья, потому что, не имѣя возможности жить самостоятельной жизнью, не подверженъ тѣмъ опасностямъ, которыя бывають послѣдствіемъ насильныхъ завоеваній. Именно, не дается оспаривать непоколебимость того естественнаго основнаго закона, что: все завоеванное насиліемъ, можетъ быть отвоено такимъ-же насиліемъ, но что приобретается вліяніемъ культуры, то приобретается неотъемлемо на вѣки. Въ отношеніи культуры, если великій народъ можно сравнить съ корнями и со стволомъ великаго дерева, одноплеменная отрасль его, на основаніи единства языка, можно срав-

нить съ его вѣтвями. Пока вѣтвь не отсѣкается отъ ствола, дотоль не только живетъ жизнью дерева, но, какъ составная часть цѣлаго, не перестаетъ соблюдать присущія свойства цѣлаго.

Но все это можно полагать только въ отношеніи культурнаго вопроса, а въ прочемъ, безсильный, бѣдный и ничтожный народъ можетъ со временемъ исподволь уменьшиться до конечнаго исчезновенія. Настоящаго времени состояніе наше дается всего болѣе сравнить съ состояніемъ Терихонкой розы, которой если случится быть вырванной вѣтромъ изъ песчанной почвы, она уносится далѣе по произволу вѣтра, изсыхаетъ на виду подъ лучами палящаго солнца, но въ ея природѣ еще таится жизнь, чѣмъ прикоснется она гдѣ-то на пути своемъ живительной воды, способна снова оживиться и процвѣтать.

Вотъ та обстановка, которую слѣдовало предназначить для освѣщенія рисуемаго образа. Изъ ней проявляются и свѣтъ и отбѣнки, изъ которыхъ слагались духовныя черты нашихъ скромныхъ литературныхъ работниковъ, слѣдовательно и мои духовныя черты.

При самомъ началѣ моей біографіи, я долженъ сказать, насколько я недоволенъ собою. Дойдя къ тому предѣлу жизни, когда чувствуется упадокъ силъ, все старѣеть и мельчаетъ кругомъ, ослабѣла первобытная воспримчивость получаемыхъ впечатлѣній, подъ давленіемъ непріязни время одушевленіе истощалось, предприимчивость — въ путяхъ, нерасположен-

ность взяла верх, хочется, как не разъ прежде, бросить перо, и махнуть рукою. Озираюсь на пройденное поприще, на немъ не было простора развитію силъ, дѣятельность должна была вращаться въ крайне узкихъ рамкахъ, давнѣе безнадежье на успѣхъ, давнѣе всеобщая апатія, давнѣе обстоятельства, плодомъ оказалось очень немного, изъ надеждъ, которыми увлекалась иногда воспламененная юная фантазія, не оправдалось ни сегой доль. Жизнь прошла почти бесполезно. Въ концѣ поприща осталось пріятнѣе къ тому заключенію, что рыба можетъ становиться великой только въ великихъ водахъ, а въ маленюкихъ потокахъ видишь одну ничтожную мелюзгу. Только по великимъ водамъ возможно плаваніе кораблей, а на потокѣ не движется и ничтожный челнокъ.

Ужь заслуживаетъ-ли малая рыбица, чтобы много торопиться ею? Или ничтожный потокъ пока онъ не становится судоходной рѣкою? Полагаетъ, что заслуживаетъ столько вниманія, сколько развитіе малоолѣтняго ребенка. Не лишено возможности, что и малая рыбица въ большой водѣ могла бы вырости, и равно и малые потоки не безъ пользы, потому что вода потоковъ, исходящая изъ недалекихъ источниковъ, становится отъ воды великихъ рѣкъ тѣмъ свойствомъ, что она болѣе свѣжа, и прозрачна и изъ притоковъ малыхъ потоковъ увеличиваются воды рѣкъ, онѣ такимъ образомъ становятся судоходными.

Покажемъ намъ, угрорусскимъ работни-

намъ еще долго придется быть такими необходимыми сравненіями. Говорится, что безъ борьбы нѣтъ жизни, а намъ приходится утверждать, что безъ жизни нѣтъ борьбы. Въ борьбѣ за существованіе, у кого къ ней есть отвага, конечно нѣтъ недостатка, только некому бороться. Можетъ быть представляется очень живописно теченіе потока, падающаго со скалы на скалу, съ порога на порогъ встрѣчающаго въ теченіи своемъ повсюду препятствія, но гораздо лучше состояніе царственной рѣки, протекающей безпрепятственно и мирно въ глубокомъ вѣковомъ руслѣ своемъ.

Не требуется къ тому великаго геройства, чтобы исполнить раздавнать ногой преграждающаго ему дорогу мальчика, но необходимо обладать благороднымъ великодушіемъ, чтобы пуститься въ неравную борьбу съ болѣе сильнымъ, ужъ хоть бы по принужденности, изъ самозащиты. Что касается меня, мой міръ былъ далеко отъ честолюбія, еще далѣе отъ надежды на награду. Вся моя награда заключалась въ сознаніи честно исполненнаго долга и въ признательности немногихъ искреннихъ друзей. Для этихъ то именно друзей, и по побужденію ихъ, рѣшился я начертать въ концѣ настоящую скромную автобіографію. Цѣль ея не имѣетъ больше претензій, какъ обычай нашихъ горцевъ, которые, проходя черезъ глухой лѣсъ, вырубаятъ своими топорами по деревьямъ знаки, чтобы инымъ проходящимъ за ними было удобнѣе держаться направленія.

2. НАША СЕМЬЯ.

Я родился въ деревнѣ Сусково, въ Березжанскомъ комитатѣ, 1838-го года, числа 3/15-го мѣсяца Марта, отъ родителей: Антонія Славвай, приходского священника, и Екатерины Легеза.

Что относится къ моему отцу, сколько разъ о немъ не подумаю, его свѣтлый образъ съ теченіемъ времени представляется предо мною еще въ болѣе свѣтломъ овареніи. Тихое и мирное теченіе его жизни, въ натурѣ его душевная гармонія, равнялась зеркалу, въ которомъ отражался ведренное небо. Изъ многихъ прекрасныхъ его свойствъ, какъ изъ составныхъ частей, сложилось у него бавгородство сердца, которое располагало людей къ сближенію съ нимъ. Не помню, чтобы кто нибудь враждебно относился къ нему, или не уважалъ его. Трезвость, простота, умѣренность во всемъ, чистота, благочестіе, смиренномудріе, чрезмѣрная скромность, безоблачность совѣсти, отсутствіе страстныхъ волненій, составляая его главныя черты, которыя и отражались на его облачѣ добродушнымъ веселіемъ, похожимъ на то выраженіе, которымъ отличаются лица дѣтей. Онъ не былъ высокаго мнѣнія ни о своихъ дарованіяхъ, ни о своей учености, любилъ отдавать другимъ предпочтеніе надъ собою, въ бесѣдованіяхъ былъ молчаливъ и малословенъ, но въ такихъ случаяхъ, когда кто нибудь позволялъ себѣ задорно издѣваться надъ нимъ, за направленные супротивъ него стрѣлы отличивался хладнокровно и вѣжливо, но съ

такою мѣткостью и остроуміемъ, которое по своей неожиданности у всѣхъ производило удивленіе, а заборникъ не отваживался болѣе нападать на него. Подъ тѣмъ добродушная улыбка ни на минуту не сходила съ устъ его. Насколько зависѣло отъ него, любилъ избѣгать шума, и въ немъ преобладала склонность къ уединенію и созерцательной жизни. Досужное время проводилъ онъ въ чтеніи своихъ любимыхъ латинскихъ классиковъ, изъ которыхъ почти всѣ творенія Цицерона, Вергилія и Овидія зналъ наизусть. За поэтами наиболѣе его одушевляла музыка и пѣніе, найвыше цѣнилъ онъ людей, отличившихся въ этомъ отношеніи искусствомъ, или дарованіемъ прекраснаго голоса; наслупротивъ, которые не могли похвалиться ни однимъ изъ благородныхъ художествъ, тѣ стояли предъ нимъ на низкой степени уваженія, такихъ считалъ онъ простыми смертными, почти дикими невѣждами, не способными для высокихъ наслажденій. Самъ онъ съ довольнымъ умѣреніемъ игралъ на скрипкѣ и преимущественно на флейтѣ, но болѣе любилъ наслаждаться искусствомъ другихъ, чѣмъ своимъ искусствомъ доставлять другимъ наслаженіе. Въ хозяйствѣ былъ онъ трудолюбивъ и бережливъ, при томъ въ домѣ своемъ не терпѣлъ ни малѣйшаго безпорядка. Трезвость и умѣренность его у всѣхъ ставила въ примѣръ, во всей жизни своей не пилъ онъ спиртныхъ напитковъ, трубку сталъ курить только во время празднествъ. Впрочемъ надъ всѣми его прекрасными свойствами стояло бла-

гочестіе. Сама природа, по мягкости его природы, создала его для священника. Въ теченіи многолѣтняго служенія такіе дни считалъ онъ несчастливыми, когда, препятствуемъ недугомъ или неотложностью путешествія, не могъ окончить бож. литургію. Въ общемъ итогъ его темпераментъ (отколы я помню) отражалъ успокоенность, невозмутимое безстрастіе къ теченію житійскихъ дѣлъ, благородную степенность, и преобладаніе сосредоточенной задумчивости.

Натура моей матери отличалась отъ природы моего отца. Въ сопоставленіи другъ возлѣ друга, натура отца равнялась тихой глубокой рѣкѣ, а натура матери походила на горную рѣку, текущую съ шумомъ съ порога на порогъ. Пока въ отцѣ преобладали свойства успокоенности, сдержанности и сдержанности, она была веселая, рѣзвая, смѣлая, бойкая, страстная, шумная женщина. Она какъ бы нарочно создана природою для восполненія отца. Работа горѣла подъ ея руками, а прислуга по ея распоряженіямъ исполняла свои должности какъ по писанному закону. Все то происходило не отъ того, будто-бы она поступала съ нею строго, но ея личность отражала природное превосходство надъ прочими людьми, ея приемы обладали силою, заставлявшею всѣхъ охотно покоряться ея волѣ. Находясь въ довѣренномъ кругѣ, она была словоохотливая, искренняя, общительная, притомъ всегда блистала своимъ необыкновеннымъ умомъ. Когда она находилась въ добромъ расположеніи

духа, было легко побудить ее къ разсказамъ, а она была несравнимая разсказчица. По своему дарованію слова она и какой-нибудь простой исторіи придала обаяніе, изъ ея усть все выходило прекрасно и интересно. Иной разъ въ обществѣ умѣла разсказывать анекдоты съ такимъ неподражаемымъ юморомъ, что слушатели закрывались слезами отъ смѣха.

Нашъ семейный кружокъ заключался моими двумя сестрами: Маріей и Сусанной; насъ, дѣтей, всѣхъ было трое, между ними я былъ наимоложе. Я былъ еще очень малъ, когда сестры были отданы на воспитаніе въ городъ Сатмаръ, гдѣ въ то время воспитательный институтъ подъ руководствомъ монахини пользовался славой одного изъ первыхъ институтовъ всей страны. Въ отсутствіи сестеръ неодога отвезли и меня въ школу въ Унгваръ. Сестры послѣ своего возвращенія изъ воспитательнаго института, неодога вышанъ замужъ за священниковъ, итакъ наше одновременное пребываніе въ родительскомъ домѣ ограничилось только дѣтскимъ возрастомъ и школьными праздниками, которые приходилось мнѣ провести дома. Мати болѣе оказывала любви къ моимъ сестрамъ, а любимцемъ отца былъ я, какъ единственный сынъ, отъ котораго зависѣло сохраненіе родового корня.

Полагается, что на развитіе челоѣка, сверхъ благоразумнаго воспитанія, имѣеть вліяніе не только та среда, въ которой онъ подросъ, но и самое мѣсто, гдѣ онъ родился и принималъ первыя впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, сверхъ того,

что природа со всѣмъ своимъ величіемъ создана для человѣка, между ними существуетъ и внутренняя связь, потому, что сердце человѣка есть воплощеніе всей природы въ миниатюрѣ, слѣдовательно по однородности съ нею жизни способно принимать впечатанія всѣхъ красотъ ея, а тѣмъ болѣе впечатанія того мѣста, гдѣ оно въ первый разъ приходило къ сознанію своего бытія. Въ той внутренней связи коренится любовь къ матушкѣ родной землѣ, и на чужбинѣ въ такой мѣрѣ чувствуется непобѣдимая тоска по ней. Наши живописныя Карпаты и на чужихъ людей производятъ извѣстное впечатаніе, а кто родился на нихъ, въ сердцѣ того образъ ихъ впечатанывается до того глубоко, что его не сглаживаетъ ни время, ни даль, ни красоты другихъ странъ. Какъ тянутся эти горы отъ Семиградья кругомъ въ плоть до малыхъ Татръ, и далѣе къ Пресбургу, повсюду представляются онѣ въ очаровательномъ разнообразіи. Съ открытіемъ пересѣкаемыхъ большими или меньшими рѣками долинъ, открываются новые виды и доставляютъ зрителю новое наслажденіе. Если природа низвергая по теченію рѣкъ одарила плодородіемъ, въ отношеніи къ горцамъ поступила она такъ, что для нихъ съ полною расточительностью явила свои красоты. Уроженецъ горъ, когда онъ находится въ несозримой равнинѣ, видя надъ собою плоскій сводъ неба, чувствуетъ грудь свою придавленную, но становится свободнымъ его дыханіе, когда онъ, идя по долині, открывающейся межъ родными горами,

воздвигаетъ взоръ свой къ небу, а сводъ неба надъ нимъ такъ высоко, словно станеть онъ чувствовать, что онъ изъ низкаго преддверія вступать въ настоящій храмъ Создателя.

Безсомнѣнно, пальму первенства нельзя отъ дать одной или другой части нашихъ горъ, или одной открывающейся между ними извѣстной долины, потому что разнообразіе видовъ такъ относится одно къ другому, какъ составныя части одного великолѣпнаго зданія. Но что касается моего личнаго увлеченія, я надо всѣми отдаю предпочтеніе окрестности Мукачева, и открывающейся въ верхъ по теченію рѣки Латорицы долины, гдѣ находится мое родное село, — Сусково. Пространство мадьярской равнины оканчивается при самомъ Мукачевѣ, въ близн будто бы на стражѣ равнины, на отдѣльной возвышенной круглой горѣ красуется крѣпость, между ними самое мѣстечко. Оттуда начинается ландшафтъ горъ, которыя на востокѣ увеличивають Свалявскій Альпъ, изъ-за вершинъ котораго обыккло восходить солнце, и, совершивъ свое теченіе, заходитъ за Мукачевомъ. Вверхъ по теченію рѣки начинаетъ суживаться равнина, по которой проведена къ Галиціи желѣзная дорога. Пройдя отъ Мукачева 19 километровъ чезъ села Подгорныи и Чинадѣво, вблизи Сускова и смежной Пасѣки почти совсѣмъ исчезаетъ равнина, между двумя селами давая проходъ только рѣкѣ Латорицѣ. Оба села надъ рѣкою, другъ супротивъ друга, имѣють такіи видъ,

будто-бы они стояли тамъ сторожами зеленыхъ горъ, на которыхъ отъ сюда въ низъ къ Мукачеву является уже дубовый лѣсъ, а вверхъ отъ Свалявской небольшой равнины, по развѣтвленію долины, образованному притоками впадающими въ Латорицу рѣчку — Свалявки, Пенн и Вичи, — начинается богатая своими минеральными кислыми водами, но убогая плодородіемъ хлѣба страна. Тѣхъ минеральныхъ рудниковъ до того много, что ихъ встрѣчаешь по краямъ и склонамъ дороги, подъ пригорками, или гдѣ попадается, и благо утружденному путешественнику освѣжиться ими.

Сусковскія горы не только живописны по своимъ образованіямъ, но и полезны по своему составу. Одна гора на Пасѣцкой сторонѣ вся состоитъ изъ известковаго камня, другая, насупротивъ ней, содержитъ въ недрѣ своемъ богатая залежи желѣзной руды. Вблизи самаго села открыта каменоломня съ превосходнымъ камнемъ, способнымъ для отѣски и выдѣлыванія крестовъ, памятниковъ, столбовъ и проч. Почва на равнинѣ довольно плодородна, она при условіемъ удобренія способна для посѣва всякаго хлѣба, но мѣстные жители сѣютъ преимущественно кукурузу и рожь: посѣвъ пшеницы потому невозможенъ, что она во время созрѣванія уничтожается воробьями, которыхъ многое множество. Климатическія условія благопріятны и для фруктовыхъ деревьевъ, изъ нихъ изобилуетъ село сливами и волоскими орѣхами, а по полямъ и лѣсамъ растутъ много дикихъ фрукто-

выхъ деревь, весною, во время расцвѣтанія, вся долина представляется ввидѣ цвѣточной корзины. Полагается, что можно бы развести и виноградную лозу, по крайней мѣрѣ по садамъ.

Къ отыѣннымъ особенностямъ мѣстности Сускова принадлежитъ то, что нигдѣ не встрѣтишь такого сборища пѣвчихъ птицъ, какъ здѣсь. Весною, съ оживленіемъ природы, оживляются рощицы, и стануть огащаться такимъ соперничествомъ дроздовъ, косовъ, иволги, кукушекъ, жаворонковъ, горлицъ, дикихъ голубей и другихъ птицъ, о какомъ житель равнинъ не можетъ имѣть и понятія. Съ началомъ мѣсяца мая въ нивяку Латорицы огащается окрестность отъ пѣснопѣннй соловьевъ, оживляя несравненной поэзіей ночи и приводя въ упоеніе самую природу. Безсомнѣнно, пернатые пѣвцы рощъ имѣють то назначеніе въ природѣ, чтобы жизнь человѣка сдѣлать пріятною, довольно ихъ присутствія, чтобы мѣсто становилось веселѣе надъ другими, а если на томъ мѣстѣ и сама природа представляется въ живописной обстановкѣ, дѣйствіе явленій въ своей совокупности непременно должно отразиться и на жизни жителей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что горецъ подъ вліяніемъ его пышной обстановки, много располагаетъ въ мечтательности. Въ его воспламенномъ воображеніи за горами, за лѣсами, за морями, за озлащенными разноцвѣтными облаками, надъ звѣзднымъ небомъ, за краями неба, гдѣ солнце восходитъ и заходитъ, въ таинствен-

ности ночи, въ невиданныхъ¹⁾ волшебныхъ страхахъ, въ шумѣ лѣсовъ, въ клокотѣ рѣкъ, въ тишинѣ кладбищъ и во всемъ прочемъ, создаются новые сказочные міры, полны волшебныхъ чаръ, гдѣ происходитъ жизнь, разинствующая своими чудесами отъ настоящей жизни. Являются сказки, быяны, повѣрья о похожденияхъ подвигахъ и удаляхъ витязей, одаренныхъ сверхъестественною силою, о царяхъ и царицахъ, о царевичахъ и царевнахъ, о людяхъ съ свойствомъ повсемѣстнаго присутствія, всепронизательностью ума, всевидѣніемъ вора, объ исполнахъ громаднаго роста, о разбойникахъ, колдунахъ, вѣдьмахъ, чаровникахъ, о сонъ-травахъ, о всесоотвѣряющихъ ключахъ, о разныхъ волшебныхъ средствахъ, о лѣшихъ, домовыхъ, потопленникахъ, опыряхъ, чернокнувникахъ, добрыхъ покровителяхъ и злыхъ врагахъ людей.

Въ былое время лучше жилось людямъ, чѣмъ живется сегодня. Кажется и люди были лучше. Урожайные годы не перемеживались частыми неурожайными годами, доставало прошлогодняго хлѣба до новаго, умножалась и скотина, потому что пастбища не были стиснуты, какъ послѣ перенесенія размежеванія земель. Умѣренные налоги уплачивались безъ большого затрудненія. Тяжелые дѣла были рѣдки и почти незнакомы у простонародья, потому у него не было вражды другъ супротивъ друга, но было больше любви, признанія, и благодати. Бывало въ моемъ дѣтствѣ,

¹⁾ подл. — «невидалыхъ».

соберутся добрые Сусковскіе жители къ рѣкѣ Латорицѣ, на мѣсто отстоящее неподалеку отъ села, въ «Виру» для ловитвы рыбы, а тамъ рыба водилась въ сказочномъ обиліи. Ловятъ они рыбу, гостятся, рассказываютъ чудесные рассказы, и къ вечеру съ богатою добычею возвращаются въ свои семейные круги. «Виръ» считался сборнымъ мѣстомъ цѣлаго села, съ возросшими выходили часто и дѣти, чтобы присматриваться на дѣло своихъ родителей, съ ними выходилъ и я. Когда теперь вспоминаю себѣ ихъ образъ, какъ они, сидя вокругъ огня подъ тѣнистымъ деревомъ, жарили на рожнахъ или просто на угляхъ рыбу, мнѣ представляется подобіе времени Спасителя и апостоловъ, когда они при озерѣ Тиверіадскомъ вели подобную жизнь.

При такой обстановкѣ провелъ я дѣтскіе годы въ прикосновеніи съ этими простодушными сынами природы, и принималъ первые впечатлѣнія, которыя неизгладимо запечатлѣвались въ сердцѣ моемъ. Съ раннихъ лѣтъ полюбилъ я природу, и свою гористую родину вмѣстѣ съ ея жителями, добрыми и «Лемками», и «Дичками», какъ прозываютъ ихъ Низовьяне, для отанчія отъ Верховищевъ-Лемаковъ, и Мармарошищевъ-Лишачевъ. Они отъ прочихъ утрорусскихъ нарѣчій отанчаются въ томъ, что въ словахъ: попь, конь, возъ, мость и проч., произносятся вмѣсто буквы о мадыарскую букву Ѣ, или французскую и. Разумеетсяъ, что воспитаяся между «Дичками» и, живя между ними, я становился настоящимъ «Дичкою». Я до того привыкъ къ буквѣ

й, что хоть уже прошли года, десятилѣтія съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ, родное мѣсто, и живя въ Турьинской долинкѣ, гдѣ жители говорятъ: «пупъ, вуль, кунъ, вузь», говоря съ туземнымъ народомъ, мой языкъ все еще поскользнется на привычную букву й. Впрочемъ, говоръ дичекъ, между прочими нашими угрорусскими нарѣчіями, болѣе нравится мнѣ по своей чистотѣ и произношеніи словъ.

3. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ

Если задумается человѣкъ надъ теченіемъ своей жизни, припоминая себѣ переходы изъ одного возраста въ другой, то столько и находитъ отъ свѣтлыхъ дней, сколько посчастливилось прожить ему въ дѣтствѣ своемъ. Изъ райской сладости осталось одно безмятежное дѣтство, для воспоминанія, что существовало иногда блаженство на землѣ. Въ теченіи тѣхъ свѣтлыхъ дней, къ полнотѣ моего счастья не требовалось больше, какъ выйти къ Виру, присматриваться на ловаю рыбу, слышать разказы рыбарей, забавляться съ друзьями-пастушкѣми по полянамъ и прилѣскамъ, которые и среди игоръ относились ко мнѣ съ почтеніемъ, какъ ко своему будущему священнику. Я и не думалъ о томъ, что такъ близъ предстоитъ ограниченіе моей свободы. Разъ, одного дня задержалъ меня отецъ дома и сталъ заохочивать къ грамотѣ. Сперва, принялся онъ за дѣло моего наставленія слегка

и въ непредназначенные часы, но потомъ изодня въ день становилась прилежнѣе, позже я долженъ былъ проводить цѣлые дни въ чтеніи и писаніи. Слѣдовало поневолѣ (по)проститься съ вольною жизнью и съ милыми друзьями, я только изрѣдка видался съ ними, а за книгами мучила меня несповѣдная скука. Между тѣмъ мой отецъ прискалъ для меня воспитателя, благого старика, по имени Андрея Дудаша, который, переходя отъ одного семейства къ другому, приглашаемъ былъ родителями, нуждающимися въ воспитаніи своихъ дѣтей. Съ того времени мнѣ было позволено выходить только вмѣстѣ съ учителемъ. Въ личности старика было что-то привлекательное, про ласковое его поведеніе я скоро полюбилъ его, и подъ его веденіемъ наука шла съ большимъ успѣхомъ. Не помню, какъ долго училъ онъ меня, но помню, когда мой отецъ собирался отвезти меня въ школу, я не только читалъ безошибочно по латински, но изъ грамматики зналъ склоненія и спряженія; кое-что понималъ по мадыарски, и плавно читалъ по русски, что меня не только чаще заставлялъ отецъ читать въ церкви Апостола и Вѣрую, но и вмѣсто пѣвца кончать съ нимъ тихую литургію.

Родители обыкли гордиться тѣмъ, если дѣти ихъ не только походятъ на нихъ обаявъ и наследуютъ свойства ихъ натуры, природныя дарованія, степень познаній, но если они наследуютъ и ихъ общественное положеніе. Потому считаютъ они своею родительскою обязанностию, дать имъ

(надо) всё въ соотвѣтное извѣстному ставу образованію. Задача матери, если ея дочери здоровы и красивы, гораздо легче, потому, что красота выполняетъ недостатки образованности и богатого вѣна. Иное есть отношеніе отца къ своему сыну. Онъ для сына долженъ открыть попроче къ достиженію предполагаемой цѣли, хотя бы предстояло ему искупить счастье сына пожертвованіемъ всёхъ своихъ удобствъ житейскихъ. А отецъ мой принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые для устроенія благополучія своихъ дѣтей не только желаютъ честно исполнить свой долгъ, но готовы бы для нихъ пожертвовать и жизнью.

Онъ, по требованіямъ своего времени, былъ отличнымъ знатокомъ латинскаго языка, былъ поистинѣ добрымъ священникомъ, высоко цѣнилъ ученость и искусство, потому на ту самую степень, если не выше, желалъ онъ возвести и меня всюю своею душою. Латинскій языкъ считался необходимымъ, потому, что въ Венгрии еще недавно въ законодательствѣ и во всёхъ чиновствахъ преобладалъ латинскій языкъ, а въ церковномъ управленіи преимущественно. Безъ него никто не могъ имѣть притязанія на названіе образованнаго человѣка, ни не могъ обходиться безъ него въ какомъ бы то ни было званіи, въ то время не было рѣдкостью, что женщины любилъ пощеголять латинскимъ языкомъ. Между тѣмъ примѣръ опередившихъ насъ своимъ племеннымъ развитіемъ народовъ сталъ проникать и въ нашу многоязычную страну, съ приближе-

нiемъ и въ началѣ 40-ыхъ годовъ у Мадьяръ начало сильно проявляться народное сознание, занявшееся сперва въ развивающейся антературѣ и выражавшееся, что далѣе, въ усиленной мѣрѣ во всѣхъ слояхъ народа. Уже началось преобладанiе мадьярскаго языка надъ латинскимъ, который держался еще въ школахъ и въ церковныхъ управленiяхъ только по вкоренившейся издавна привычкѣ и сталъ считаться языкомъ, необходимымъ только для ученыхъ людей. Но было еще немало такихъ, которые отдавали предпочтенiе латинскому языку надъ всеми прочими, къ нимъ принадлежалъ и мой отецъ, хотя онъ, какъ мадьяръ по происхожденiю, не переставалъ любить и мадьярскую литературу. То было причиною, что онъ заставлялъ меня почти изъ дѣтства учить(ся) латинскiй словарь, и въ разговорахъ со мною объ одномъ или другомъ изреченiи чаще обыкъ спрашивать: «Какъ сказала бы ты это по латински?» Позже всего лучше любилъ онъ со мною разговаривать и переписываться только по латински, и тѣшился, когда я въ высшихъ классахъ сталъ выражаться съ нѣкоторою плавностью и изяществомъ.

Не менѣе старался онъ, чтобы изъ меня въ послѣдствiи стался добрый священникъ. Чтобы породнить меня съ церковною жизнью и обрядами, былъ-ли то праздникъ, воскресенье, или будень, всегда бралъ меня съ собою въ церковь, нiимый разъ и на похороны, или когда отправлялись нима различныя священнодѣйствiя. По утрамъ возбуждалъ меня ото сна съ восходомъ

сонца, и приказывала немедленно одѣться, и окончить утреннюю молитву, равно и вечеромъ передъ отходомъ на сонъ не позволяла заснуть безъ молитвы. Выходя на поле, взяла меня за руку и, идя по пути, приучала меня къ гласамъ или къ одной изъ обрядовыхъ пѣсней. Вслѣдствіи почти ежедневнаго посѣщенія церкви, я настолько сжился съ нею, что посѣщенія ея и приниманіе участія въ Богослуженіяхъ становилось для меня такой-же потребностью, какъ ежедневная пища. Впрочемъ, если бы мой добрый отецъ и не прилагаалъ столько старательства въ моемъ воспитаніи, его живыи примѣръ, съ какою ревностью исполнялъ онъ свои обязанности, съ какимъ благоговѣніемъ жилъ онъ своему званію, довольно былъ для того, чтобы на всю мою жизнь оставить глубокое впечатлѣніе. Никогда я не слышала изъ его устъ сколько-нибудь слово, никогда не видѣла въ его поведеніи нѣчто такое, что бы повліяло на мою нравственность или на нравственность другихъ разорительно. Въ обществѣ даже его веселое расположеніе отличалось отъ веселія другихъ людей, а видѣть его въ церкви было довольно къ благоговѣнію.

Далѣе онъ, будучи въ томъ убѣжденіи, что музыка, пѣніе и вообще искусства много дѣйствуютъ на благородженіе сердца человѣческаго, и вмѣстѣ доставляютъ извѣстную сладость жизни, не сомнѣвался, что къ довершенію образованности необходимо усвоить всякому по крайней мѣрѣ одно изъ благородныхъ искусствъ. Въ той цѣли заранѣе стала приучивать меня къ

игрѣ на скрипкѣ и флейтѣ, и позже, отвезши меня въ школу, занималъ и учителей. Для обученія моего въ гармоніальномъ пѣніи, отвелъ меня къ извѣстному хорирегенту Унгварской кафедральной церкви, Константину Матезонскому, и просилъ его принять меня межъ мальчиковъ гармонистовъ. Одно время я принималъ наставленія на скрипкѣ отъ учителя нормальныхъ школъ, по имени Эрдельи, но не достигалъ большого успѣха. Неуспѣхъ приписываю той причинѣ, что во мнѣ преобладала страсть къ пѣнію, въ которомъ я и отлучился скоро надъ другими, и во все мое въ Унгварѣ пребываніе не переставалъ быть членомъ гармоніальнаго хора. Игра на скрипкѣ осталась, что даже, въ пренебреженіи, межъ тѣмъ рано развивалась во мнѣ страсть къ чтенію, и такъ чтеніе болеѣ стало наслаждать меня надъ всѣми иными занятіями.

Что относится къ моему школьному поприщу, послѣ предварительной домашней подготовки, начальную школу кончила я въ Унгварѣ 1846/1847 года, какъ разъ наканунѣ отмѣны барщины и занявшагося пожаромъ движенія по всей странѣ подъ девизами: свободы, братства и равенства. Въ то время, овладѣвшее людьми стихійною силою, одушевленіе было таково, что не будь я тогда еще только осьмилѣтнимъ мальчикомъ, по моей легко воспламенявшейся натурѣ, порывъ общаго одушевленія безсомнѣнно увлекъ бы и меня съ собою, какъ увлекъ многихъ нашихъ юношей, что по мѣстамъ семинаріи оста-

лись почти безъ воспитанниковъ. Въ слѣдующіе годы кончала я гимназіальныя классы тамъ-же въ Унгварѣ, гдѣ продолжалось преподаваніе наукъ, но больше такъ, для формальности, потому, что и школа стояла подъ вліяніемъ виѣшней бури. Самн профессоры, вмѣсто преподаванія школьныхъ предметовъ, съ увлеченіемъ распространялись съ теченіемъ отечественныхъ дѣлъ и о древнихъ благополучныхъ извѣстіяхъ. Учащаяся молодежь по классамъ предъ лекціями распѣвала патріотическія пѣсни, подъ часъ лекцій извнѣ доносилась музыка наборныхъ воиновъ, которые по улицамъ съ веселымъ танцемъ и попойкою побуждали всякаго поступить въ ряды защитниковъ отечества. Подъ вліяніемъ бурнаго времени, поглощавшаго вниманіе всѣхъ гражданъ, школьный годъ сокращался прежде срока, испытывались окончивались на скорую руку, и учащаяся молодежь въ рукѣ съ хорошими свидѣтельствами распускалась домой.

4. БУРНЫЕ ГОДЫ.

Подъ тѣмъ же бурнымъ вліяніемъ и съ тою же обстановкою начался знаменитый 1847/48 школьный годъ, съ тою только разницею, что онъ отъ прежняго года былъ еще шумнѣе и безпокойнѣе. У мѣщанъ завелось подобіе военной жизни, для краевой обороны вызваны ре-

мелешенки изъ своихъ мастерскихъ,^{*)} купцы отъ своихъ лавокъ, иные отъ своихъ занятій, старые и молодые, и ежедневно упражнялись въ воинскихъ присмахъ, за неимѣніемъ настоящей сбруи только съ деревянными ружьями. Торжество слѣдовало за торжествомъ, часто повторялось ослѣщеніе города, украшеніе домовъ флагами, ликование казалось нескончаемымъ. При такихъ обстоятельствахъ и избалованной учащейся молодежи было не до книгъ, она, увлечась примѣромъ всего жительствова, съ тѣмъ и проводила свое свободное время, что разынгрывала воинскія упражненія и устраивала потѣшныя сраженія, изъ которыхъ болѣе отважные выходили съ синими пятнами и даже съ проваленною головою. Но время было воинственное, повсюду говорилось только о побѣдахъ, при томъ жилось весело, потому подобныя подвиги считались похвальною доблестью, совершенною будто-бы въ славу отечества. Со мною не случилось ничего подобнаго, но я подпала несчастію другого рода, которое могло вредно повліять на всю мою жизнь. Было то въ началѣ или около середины мѣсяца іюля года 1848-го; во всемъ краѣ праздновалось торжество независимости съ небывалымъ великолѣпьемъ. Въ Уигварѣ, на по-^{лѣ} называвшемся тогда Звѣрный садъ (теперь Széchenyi kert) была устроена изъ березовыхъ вѣтвей молальня, въ которой въ учебный день (кажется былъ воскресный день) покойный

^{*)} «мастеровыхъ».

Архи-іерей Василій Поповичъ совершалъ торжественную обѣдню. Все поле было занято воинствомъ и гражданствомъ, въ сторонѣ на огромныхъ рожнахъ жарили семь кормленыхъ воловъ, каждая отдѣльно, цѣпанкомъ, и по разнымъ мѣстамъ поля было закопано въ землю одинадцать большихъ кадей, каждая въ діаметрѣ въ сажень, исполненныхъ виномъ. Началась длинная Архи-іерейская торжественная обѣдня, тѣнистая молельня едва могла вмѣстить численную ассистенцію, а гармоніальный хоръ, къ которому принадлежалъ и я, не вмѣщаясь внутри, долженъ былъ стоять подъ открытымъ небомъ съ обнаженною головою подъ палящими лучами польскаго солнца. Послѣ обѣдни — съ возвышенныхъ мѣстъ возглашали офицеры относящіеся къ торжеству прокламаціи, на которыя воинство отвѣчало ликомъ — громогласными восклицаніями „éjjej“, и къ полудню начался баснословный пиръ. Помню, что насъ, мальчиковъ-гармонистовъ, воины повели съ собою, стали угощать жаренымъ мясомъ, сигарами и виномъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что я уже послѣ захода солнца очнулся на единѣ на опустѣломъ полѣ, — какъ я возбудился отъ глубокаго сна, — съ ужасною головою болью. Протираю очи, прилагаю усиліе собраться съ мыслями, предлагаю себѣ вопросы: какимъ образомъ попался я на это мѣсто, вконецъ тѣмно вспоминаю событія дня. Спихватнулся я съ мѣста и съ трудомъ поплелся я домой въ конвиктъ, гдѣ я былъ на содержаніи. Слѣдующаго дня мои товарищи замѣтили,

что я приглухъ и стали взирать на меня съ удивленіемъ. Къ счастью школьный годъ былъ на исходѣ, самъ не помню, какъ слагалъ я экзамены, равно не помню, слагались-ли они вовсе этого года или распустнаи насъ безъ нихъ, довольно того, что я, какъ и прежде, отнесъ домой свидѣтельство съ отличными нотами. Всего въ-роятно, что того года не было порядочныхъ экзаменовъ.

Удивляюсь, что мой отецъ, везя меня домой, не замѣтилъ на пути моей глухоты, но мати въ первый-же день моего прибытія домой, послѣ радостнаго свиданія, стала разговаривать со мною, потомъ пристальнѣе приглядываться на меня; сразу, смотрю, а она разразилась плачемъ и только руки заломала. Грустными становились эти праздники и для меня, а еще пуще для родителей. Отецъ мой, видя разореніе своихъ надеждъ, смутился не на шутку надъ моею судьбой. Случившееся со мною несчастіе пришло какъ бы въ довершеніе постигшей его недавно бѣды, когда передъ Подгорянскою битвою нашедшіе изъ Галиціи кесарскіе воины, раздраженные прежними въ ихъ странѣ грабительствами, напали на его домъ, и все основательно разграбили, что только имъ попало подъ руки. Одна бѣда съ другою еще большею. Пустился онъ за совѣтомъ отъ одного врача къ другому, приносилъ разные медикаменты, которые не приносили ни малѣйшаго улучшения, пока, наконецъ, попалъ на настоящаго. То былъ ученый врачъ, по имени Азарій, который осматрѣлъ меня, вывѣдалъ время, при-

чину моей глухоты, и предписалъ мнѣ нюхать порошокъ изъ корня чемерицы. Нюханіе пороха производило безконечную чихотку, и дѣйствию ея увѣщалося желаннымъ успѣхомъ, такъ какъ мой слухъ изо дня въ день болѣе возстановлялся, и къ концу праздниъ я вполнѣ освободился отъ глухоты къ безпредѣльному утѣшенію моихъ родителей.

Время тѣхъ праздниъ могло бы прожитися лучше, потому, что нашъ семейный кружокъ не только былъ вмѣстѣ въ родительскомъ домѣ, но и убольшился, потому что прошлой осенью состоялась свадьба моей старшей сестры Маріи, вышедшей замужъ за причетника Василія Когача, онъ зимою принялъ чинъ Іерейства, и въ ожиданіи помѣщенія жилъ у насъ. Но вначалѣ были родители смущены про мое состояніе, при томъ мы находились въ постоянной тревогѣ отъ опасенія, что можетъ снова повториться вторженіе изъ Галиціи и домъ подвергнуться новому ограбленію. По той причинѣ, съ приближеніемъ ночи прислуга выгоняла скотъ въ горы, а мы, ложась на сонъ, отдавались на попеченіе Провидѣнія Божіяго. На пути сновали новобранцы кравею обороны то вверхъ, то внизъ, никто не могъ предполагать, какое неожиданное событіе можетъ случиться слѣдующаго дня. Межь тѣмъ, несмотря на то, что былъ урожайный годъ, до-роговица возрастала по той причинѣ, что серебра и даже мѣдныхъ монетъ не было въ обращеніи, все куда-то исчезло, ходили только бумажки, цѣна которыхъ падала изо дня въ день.

За простыя вещи платились баснословныя цѣны.

Среди такихъ обстоятельствъ кончилась праздники, отецъ мой поторопился отвезти меня въ Унгварь, и на 1848/49 школьный годъ снова помѣстилъ въ конникъ на содержаніе. Въ городѣ жизнь текла по прежнему, только весною еще болѣе усилилась по улицамъ вербовка вонючь, а въ началѣ лѣта стали носиться вѣсти о приближеніи Москаля. Въ другой половинѣ мѣсяца іюля безпокойство мѣщанъ про близкую опасность достигло до самой высшей степени. По ночамъ и раннимъ утрамъ часто производилась тревога бѣженіемъ въ набѣтъ, по улицамъ происходила бѣготня, люди рассказывали вѣсти другъ другу съ испуганнымъ выраженіемъ лица, по учебнымъ заведеніямъ воспитанники держали свои вещи наготовѣ, на всякій случай, чтобы съ наступленіемъ опасности спастись домой. Среди общихъ тревогъ окончить учебный годъ благополучно, прежде прибытія Московскаго воинства. Оно явилось въ Унгварь позже, когда учащаяся молодежь разошлась въ свои. Подъ тѣмъ и нашъ семейный кружокъ разорвался, я послѣ моего возврата изъ Унгвара нашелъ дома только сестру Сусанну, потому что въ теченіи прошедшей зимы удалось моему шурину Василию Когачу получить приходъ Солочинскій, и онъ становился самостоятельнымъ хозяиномъ.

Послѣ городского шума я снова очутился въ деревенской тишинѣ, которая всегда производила передъ тѣмъ на меня пріятное вліяніе. Я ра-

довался, если въ уединеніи могъ наслаждаться прекрасными видами моихъ родныхъ горъ, а теперь моя прежняя воспримчивость ступѣла, мнѣ становилось скучно, что не слышу никакихъ новостей. Видно городская атмосфера заразила и меня своею надкостою за новостями. Дается предполагать, съ какою жадностью сталъ бы я прочитывать любой журналъ, содержащій извѣстія о красивыхъ событіяхъ, но въ то время журналъ былъ рѣдкою роскошью по домамъ и у насъ его не было. Слѣдовало ограничивать любовательность тѣми примѣтами, которыя представлялись взору, а изъ тѣхъ примѣтъ можно было выводить одно только заключеніе, что повсюду дѣлались приготовленія къ отпору супротивъ непріятеля и загражденію ему пути отъ Голландіи. Изъ тѣхъ приготовленій можно было предполагать, что появленіе его предстоило очень близко, можетъ быть съ наступленіемъ ближайшихъ дней. Одною изъ такихъ примѣтъ былъ соломенный телеграфъ, то есть такое устройство, которое нѣкоторымъ образомъ замѣняло назначеніе нынѣшняго телеграфа.

Именно, въ каждомъ селѣ, на нѣкоторомъ повышенномъ мѣстѣ, былъ поставленъ столпъ, со ступенями, какъ на лѣстницѣ, чтобы можно было взобраться на верхъ, а на верху столпа была прикрѣплена связка соломъ. Назначеніе столповъ состояло въ томъ, что поставленные при нихъ денно-нощно сторожи должны, въ случаѣ появленія на границѣ непріятеля, тотчасъ освѣдомить весь рядъ сторожей сигналомъ сож-

женія соломы, и, такимъ образомъ, посредствовать въ передачѣ условленной вѣсти отъ крайняго къ крайнему посту. На равнинѣ ниже Чинадѣва все пространство было изрыто окопами. Далѣе на горѣ, названной Соколовымъ камнемъ, была срублена лѣсъ въ плавь. На берегѣ Звизномъ, надъ рѣкою Латорицею, супротивъ деревни Пастьки, путь былъ перекопанъ на осьми мѣстахъ, тамъ были прежде поставлены пушки, но ихъ теперь уже не было. По разсказу жителей, онѣ послѣдшне отвезены отсюда въ Мукачево, вслѣдствіи фальшиваго сигнала, происшедшаго отъ Галичанской границы, по ошибкѣ отъ неоправдавшейся тревоги. По направленію къ мѣстечку Вережни, тогда еще не было порядочной дороги, но подъ протяженіемъ горъ, названной Раздѣлье, протекалъ потокъ, и этотъ потокъ оставалъ проходъ вмѣсто дороги. Для загражденія этого прохода, еще прежде того лѣта, въ день Вознесенія было согнано много народа, который срубилъ лѣсъ и сдѣлалъ Раздѣлье непроходимымъ. Наконецъ, насчетъ близкаго похода Русскихъ никто не могъ оставаться далѣе въ сомнѣніи, потому, что одного дня отъ правительственнаго комиссара съ великою послѣдшнею разослано такое строгое повелѣніе, что подъ угрозою смерти, въ срочный день и часъ всѣ способные мужчины, безъ различія возраста и званія, да появляются въ мѣстечкѣ Свалява, какъ сборномъ пунктѣ, для сопротивленія непріятелю. Въ повелѣніи стояло, что у кого есть ружье, долженъ появиться съ

ружьемъ, у кого нѣтъ ружья, да появится съ желѣзными вилами и косою, или просто съ дубиною. Священникамъ приказано быть вождями народа, съ крестомъ въ рукахъ. Подписано: Карлъ Генчъ (Höpsch), комиссаръ.

Дается предпологать, что это появленіе, по своей странности, произвело въ народѣ ужасный переполохъ. Вызванны къ общему возстанію, селяне, вмѣсто того, чтобы собраться на назначенномъ сборномъ пунктѣ, сколько ни было мужчинъ и взрослыхъ парней, — всѣ въ торопяхъ убѣжали въ горы, по селамъ остались только жены, дѣти и старики. Потомъ послѣ первого переполоха прошелъ день, прошелъ другій, убѣжавшіе отвели немножко духъ, стали присматриваться съ холмовъ на равнину, а не было видно ни вонновъ, ни стеченія народа, вся окрестность была безжизненно тиха и безлюдна. Больше не приходило никакихъ распоряженій и убѣжавшіе въ лѣсы стали снова возвращаться въ село къ своимъ очагамъ. Межъ тѣмъ разнеслась вѣсть, что отдѣлъ русскаго войска, стоявшаго дотолѣ на окраинахъ Галиціи, перешелъ черезъ границу, и отъ Верецкихъ шествуетъ къ Мукачеву. Первые вѣстники сообщали, что русскіе воины не дѣлаютъ народу никакого вреда, что Роддѣльскій проходъ, для загражденія котораго предпринято столько труда, они разчистили подъ двумя часами и становились лагеремъ по обѣимъ сторонамъ Роддѣля. Одновременно мирнымъ предзнаменіемъ служило то обстоятельство, что люди изъ Верховинскихъ странъ, какъ

и въ другіе годы, толпами шествовалъ на богомолье въ Мукачевскій монастырь, на предстоящій праздникъ Успенія Пр. Д. Богородицы, значить не испытали со стороны русскихъ никакого насилія и были спокойны на счетъ оставленнаго ими домовства.

ПРИХОДЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

Въ самый день Успенія, къ вечеру, нашъ семейный кружокъ сидѣлъ возлѣ церкви на холмѣ, откуда удобно было присматриваться на возвращающихся изъ Мукачева богомольцевъ, шествовавшихъ по дорогѣ, которую отдѣляло отъ насъ небольшое пространство и рѣка Латорица. Солнце клонилось къ заходу, сразу сестра Сусанна восклицаніемъ обратила наше вниманіе на блестящіе(ся) предметы, которые явились на пути ниже села Драчинь. То были всадники въ шлемахъ, на которыхъ ярко отражались лучи солнца, они шли тихимъ ходомъ на бѣлыхъ лошадяхъ. Немного спустя, за ними слѣдовали иные четыре подобные всадники и, вконецъ, цѣлый полкъ конницы, весь на одинаковыхъ бѣлыхъ лошадяхъ. Вотъ то была часть Русскаго войска, которую намъ удалось увидѣть въ первый разъ. Позже мы видѣли, пѣхоту, улановъ, казачковъ, и всякаго рода воинство.

Признаюсь, что и ихъ воображалъ не въ такомъ видѣ. Въ мою сущность въ Унгварѣ, я слышалъ изсбразать ихъ дикими ордами, съ ви-

домъ очень безобразнымъ, походящихъ болѣе на звѣрей, чѣмъ на людей; по натурѣ своей суровыми, необузданными, кровожадными и беспощадными, которые, куда они не приходятъ, производятъ звѣрскія насилія и ужасы, оставляютъ по слѣдамъ своимъ опустошенія, подобно саранчѣ, которыхъ иначе и представить нельзя, какъ съ ужасною канчукою въ рукахъ. Какъ они теперь проходили передъ нами ровнымъ, чиннымъ, тихимъ ходомъ, только по отдаленности мы могли отмѣтить ихъ черты лица, они показались намъ такими, какъ и наши домородные люди, только они на своихъ дородныхъ лошадяхъ и съ блестящими своими шлемами и сами казались болѣе дородными и выше обыкновеннаго человѣческаго роста.

Овладевшій нами прежній страхъ, въ ближайшіе дни еще болѣе миновалъ, и въ концѣ мы успокоились совсѣмъ. Возвратившіеся изъ Мукачевскаго богомоля селяне донесли, что гореть полонъ Русскимъ воинствомъ, пѣхотою, и конницей, прибывшими отъ Дебрецина. Это воинство ведетъ себя мирно, не дѣлаетъ гражданамъ никакого насилія, даже дружится съ ними. Въ такихъ увѣреніяхъ мы какъ-то сомнѣвались, принимали оныя съ недоувѣріемъ, а то уже передъ нами показалось преувеличеннымъ и вполне невѣроятнымъ дѣломъ, когда нныя стали утверждать, что они слышали московскую рѣчь, даже сами разговаривали съ москвалями, и могли легко понимать другъ друга. При передвиженіи войскъ, жители попутныхъ селъ должны

были по необходимости, приходять съ проходящими въ соприкословеніе, потому, что ихъ заставляли перевозить багажъ и устаныхъ или заболѣвшихъ воиновъ, а первые отѣлы войска двинулись тотчасъ въ слѣдующій день послѣ Успенія, и, приходя отъ Мукачева, останавливались пблизн Пасѣдкаго моста. На полѣ, которое называется «противъ княгининнаго брода», была установлена по удобности мѣста постоянный лагерь; одни отходили далѣе, другіе приходили на ихъ мѣсто. Передвиженіе держало (за) три недѣли до самаго дня Рождества Богородицы. Съ начала того времени наши селяне постоянно исполняли перевозку багажа, а осмѣлѣвшіе дѣти выносили въ лагерь яблока, сливы, орѣхи, и проч., которыхъ того года было великое обиліе. Всѣ они твердили одно, что они свободно разговариваютъ съ Москалями и безъ затрудненія понимаютъ ихъ языкъ. Иные говорили, что видѣли ихъ креститься и слышали молиться, и не могли прійти въ себя отъ удивленія, потому, что они совсѣмъ такимъ образомъ крестились и тѣмъ же словами молились, какъ здѣшніе домородные люди. Выходило, что они одного съ нами языка и одной вѣры.

Всѣ тѣ рассказы, немного прежде мы бы принимали за пустую болтовню, не имѣющую правдоподобнаго основанія, теперь они возбудили въ насъ желаніе, чтобы мы и сами убѣдились въ истинѣ. Межъ тѣмъ ежедневно проходило воинство по пути, который отъ нашего села былъ отдаленъ только рѣкою Латорицею. Оно шест-

вовало подъ звуки трубъ и при барабанномъ боѣ, которымъ вторилъ отдѣлы свѣсомъ веселыхъ маршей.*) Дружное пѣніе потрясало воздухъ и зашумѣлось сильными отзвукомъ отъ горы до горы, а мы, стоя на холмѣ волаѣ церкви, уснаивались отмѣнить слова, но не могли понять изъ нихъ ничего. Для удовольственія нашей любознательности, въ одинъ изъ ближайшихъ дней мы съ отцомъ собрались въ лагерь, и въ самомъ дѣлѣ убѣдились, что мы за исключеніемъ очень не многихъ словъ, понимаемъ рѣчь московскую. Воины охотно (и)пускались въ разговоръ съ моимъ отцомъ и, какъ узнавал, что онъ священникъ — относились къ нему съ почтеніемъ и называли его батюшкою. Пріятно было намъ видѣть, что воины ласкали нашихъ сельскихъ мальчишекъ,**) а мужикамъ, бывшимъ съ озовами, подавали мясо въ своихъ манеркахъ и надѣвали ихъ сухарями. Послѣ этого перваго посѣщенія, увлекаясь примѣромъ сельскихъ мальчишекъ, я сталъ выходить чаще въ лагерь. Мнѣ особенно понравилась пѣніе воиновъ, которымъ они себѣ облегчали трудъ пути. Желая научиться пѣсеннѣ, иной разъ я сопровождалъ ихъ до известной отдаленности, и потомъ возвращался домой, переходя въ бродъ или на челнѣ черезъ рѣку Латорицу. Такимъ образомъ я научился отъ нихъ больше пѣсень. Но предъ Рождествомъ Богородицы прекратилось пере-

*) «маршевъ»

***) «мальчишковыхъ»

движеніе Русскихъ войскъ, они ушли въ Галицію и далѣе въ свое отечество — за нихъ отходомъ завелась нныя порядки и осталась одна память объ ихъ переходѣ.

Въ теченіи 1849/50 школьнаго года, когда я поступалъ въ третій гимназiальный классъ, какъ во всей странѣ, такъ и въ Унгварѣ заведено новое управленіе, въ городѣ было на постѣ кесарское австрійское воинство, а въ школѣ особенный вѣсь полагался на русскій языкъ, которому должны были учиться не только русскіе по происхожденію и по вѣрѣ греко-католики, но даже и иновѣрцы. То время совпадаетъ съ пробужденіемъ племеннаго самосознанія на нашихъ Карпатахъ; оно начало проявляться изданіемъ первыхъ весеннихъ литературныхъ цвѣтковъ, какъ-то: русскаго календаря, пѣсенной книжки, изданной Николаемъ Нодемъ и альманахомъ, изданнымъ Александромъ Духновичемъ, въ началѣ котораго была пѣсня: «Я русинъ былъ, емь, и буду». Тѣ пѣсенки распѣвались по домамъ и по школьнымъ скамьямъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОБУЧЕНІЯ

Осенью 1850-го года выдалась замужъ сестра Сусанна за причетника Александра Легеза, который по матери приходился намъ родственникомъ, они вступили въ бракъ съ епископскою диспензаціей. Съ одной стороны, свадьба сестры, съ другой стороны, непредвидѣнные издержки были причиною, что я былъ принужденъ остаться

ся дома и утратилъ школьный годъ. Когда я слѣдующаго года 1851/52 года снова была отвѣдена въ школу, только тогда оказалось,*) что я отсталъ отъ своихъ одноклассниковъ сошкольниковъ; сверхъ*) того, въ теченіи прошлаго года введена была новая система, по предписанію которой, кромѣ другихъ предметовъ, уже въ третьемъ классѣ преподавался греческій языкъ; слѣдовало мнѣ усилить прилежаніе, чтобы наверстать прошлогодній пропускъ и догнать въ успѣяннн товарищей. Въ слѣдующіе два года 1852/53, и 1853/54 ученіе уже шло обыкновеннымъ порядкомъ, и съ тѣмъ я кончалъ 5-ый и 6-ой классъ. До того времени я была всегда здоровъ, но въ теченіи зимы послѣдняго года я захворала лихорадкою; всетаки по выносливости моей натуры я и въ больномъ состояніи присутствовала на преподаваніяхъ, насколько помню, я не пропустила ни одного часа.

Съ окончаніемъ шестого гимназiальнаго класса, я пришла къ тому рубежу, когда становилось необходимымъ избрать извѣстное поприще жизни. Въ этомъ отношеніи въ нашей странѣ до 1848-го года обстоятельства были таковы, что доступъ къ высшимъ достоинствамъ была открыта исключительно для счастливицевъ дворянскаго происхожденія, а простымъ смертнымъ слѣдовало довольствоваться тѣми скромными въ обществѣ мѣстами, которыя дворяне не удосто-

*) «очутился»

*) «сверхъ»

ивали того, чтобы занять оныя. Для русскаго, хоть бы онъ былъ по происхожденію и дворяниномъ, если онъ не стоялъ въ родственной связи съ другими знаменитыми дворянами, не могъ надѣяться ни на podporу, ни на возвышеніе. То было причиною, что у русскаго народа въ такое время не было никакой мірской интеллигенціи; если кто нибудь изъ нихъ отличался своими дарованіями, тотъ измѣнялъ своей вѣрѣ и народности и, ассимилируясь съ преобладающимъ мадыарскимъ народомъ, въ первомъ-же поколѣніи, конечно, отрывался отъ своего корня.

Съ 1850-го года, съ измѣнившимися обстоятельствами, являлись чиновники изъ дѣтей русскаго народа, но это явленіе было до того ново, что къ нему прежде слѣдовало привыкнуть и убѣдиться въ томъ, что будущность рѣшающихся на мірское поприще людей зиждется на прочномъ основаніи. Потому священники, и ихъ сыновья, не имѣя предъ собою иного лучшаго исхода и, сжившись съ вкоренившимся у нихъ издавна обычаемъ, привыкли не пытаться большими надеждами, нежели тою единственною, чтобы только достигнуть званія своего родителя. Что касается до меня, если бы вопросъ поприща жизни заблаговременно не былъ рѣшенъ, я избрала бы званіе священническое не только потому, чтобы угодить пламенному желанію родителей, но и по собственному влеченію сердца, такъ какъ я уже изъ дѣтства сему званію отдавала поедпочтеніе надъ всѣми другими. На конкурсѣ того года явилось насъ множество конкурентовъ, а

свободныхъ стипендій было немного. Болѣе отличные юноши надѣялись на свои отличныя свидѣтельства, иные полагались на покровительство своихъ родственниковъ, которыхъ имѣли между канониками или консисторіальными совѣтниками, а у кого не было ни отличнаго свидѣтельства, ни покровителей, тотъ съ resignaціей могъ ожидать съ неба рѣшеніе своей участи. Преніе на консисторіи даноось до поздняго вечера, корридоръ былъ биткомъ набитъ священниками и конкурентами изъ разныхъ гимназій, ожидавшими со стѣсненнымъ*) сердцемъ рѣшенія дѣла. Наконецъ, вышелъ консисторіальный писмоводитель при свѣчѣ прочелъ имена немногихъ счастливцевъ, принятыхъ на стипендіи. Я не былъ между принятыми, но былъ ассекурованъ, то есть зачисленъ межъ тѣхъ, которые въ будущемъ будутъ приняты въ причетники. И такъ мы съ отцомъ могли возвращаться домой съ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, намъ было и того успѣха довольно, потому что у насъ не было между рѣшителями ни родственниковъ, ни покровителей. Благополучнымъ до нѣкоторой степени исходомъ дѣла, мы доставили бы дома утѣшеніе и матери, но мнѣ не здоровилось уже нѣсколько дней предъ тѣмъ, а на пути я заболѣлъ диссентеріей въ такой степени, что отецъ довезъ меня домой едва живого. Такъ и прошла одна часть празднествъ.

Послѣ моего выздоровленія остальные дни празднествъ убѣжали быстро, матушка успѣла

*) «съ стѣсненнымъ»

справиться съ своимъ снаряженіемъ къ срочному времени. Тогда еще не было осьмо классной гимназій въ Унгварѣ, потому окончившіе шестой классъ ученики для продолженія курса принуждены были отправиться далѣе въ одинъ изъ слѣдующихъ городовъ: Кошицы, Сатмарь, Ягеръ, Великій Варадь или въ другіе дальшіе города. Мой отецъ избралъ Сатмарь; тамъ воспитались прежде мои сестры; онъ надѣялся, что ему удастся помѣстить меня конвикторомъ въ тамошнюю латинскую семинарію. Онъ постоянно, имѣя въ виду мое благополучіе, надо всемъ заботился предохранить меня отъ опасностей, которыя могли бы вредно повліять на мою нравственность, и, притомъ, желая заблаговременно дать соотвѣтственное священническому званію воспитаніе, считалъ наиболѣе благоразумнымъ поступкомъ отыскать мнѣ такое мѣсто, гдѣ бы я находился подъ надежнымъ надзоромъ. И до сихъ поръ я воспитывался въ Унгварскомъ конвiktѣ, (но) онъ теперь еще болѣе желалъ держаться своего правила. Его заботливость увеличилась желаннымъ успѣхомъ, я на самомъ дѣлѣ былъ принятъ въ Сатмарскую семинарію, и тамъ въ теченіи 1854/5 и 1855/6 окончивши седьмой и осьмой классъ, сложилъ*) и испытъ зрѣлости, который еще тогда не былъ об(ъ)язателенъ для желающихъ посвятить себя духовному званію. Несмотря на то, что Сатмарская семинарія была одна изъ тѣхъ, въ которой царствовала строжай

*) «низложилъ»

шая дисциплина, мнѣ всегда пріятно вспомнить о тогдашней жизни; въ ея стѣнахъ завязывалась юношеская дружба съ малыми воспитанниками, казавшаяся мнѣ тогда до того твердою, узъ которой никогда не расторгнетъ никакая сила. Въ то время совпадаетъ появленіе «Церковной газеты», издаваемой въ Будяніѣ Іоанномъ Раковскимъ, полагаю, что никто не читалъ ее съ большею жадностью, чѣмъ я съ своимъ другомъ Александромъ Митракомъ, съ которымъ мы обща слагали подписныя деньги.

На конкурсъ 1856-го года я былъ принятъ въ причетники, и назначенъ въ центральную семинарію Пештянскую. Для всякаго молодого человѣка считается особеннымъ счастьемъ, если онъ въ началѣ своего поприща удостоится извѣстнаго отанчія, это производитъ пріятное вліяніе на всю жизнь его. Для него открывается возможность къ болѣе успѣшному развитію своихъ умственныхъ дарованій, къ обогащенію познаній, и расширенію кругозора, къ чему онъ никакъ не могъ бы дойти въ домашнемъ узкомъ обращеніи. Жить въ пышномъ престольномъ городѣ, видѣть блескъ, завоеванія культуры, прійти въ соприкосновеніе съ собравшимся изъ разныхъ странъ и народностей юношествомъ, это такія привущества, которыя много причиняются къ развитію молодого человѣка. По пути я встрѣтился съ моими одно-спархіяльными друзьями Андреемъ Демяновичемъ, Андреемъ Медведскимъ, и Кирилломъ Сабовымъ, воспитанниками Вѣнской семинаріи, и мы весело путешест-

вошли къ мѣсту нашего назначенія, сперва на пароходѣ по Тисѣ до Сольнока, а оттуду на паровозѣ до Пешта. Трудно мнѣ выразить первое впечатлѣнiе, когда мы прибыли въ городъ около осьмого часа вечеромъ, при видѣ ярко освѣщенныхъ длинныхъ улицъ, великолѣпныхъ зданій, оглушительнаго грохота фіакровъ, толкотни суетливости, и всего того, что составляетъ свойство престольныхъ городовъ. Мнѣ казалось, что я изъ сельскаго тихаго уединенія заблудился въ чужой волшебный мiръ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что духовный мiръ челоуѣка обогащается и расширяется по мѣрѣ богатства тѣхъ образовъ, которые запечатлѣваются въ его памяти. На томъ основанiи челоуѣкъ есть вмѣстнанищемъ всего того, что приходится ему встрѣчать на жизненномъ пути. Естественно шире тотъ мiръ у тѣхъ, которыми случалось побывать въ великолѣпныхъ городахъ и далекихъ странахъ, плавать по морямъ, видѣть необыкновенныя явленiя природы, для нихъ всякое новое явленiе есть новымъ приобрѣтенiемъ. Насупротивъ, не можетъ сравниться съ ихъ мiромъ мiръ тѣхъ людей, которые никогда не выходятъ за предѣлы своего мѣстопребыванiя, и не приходя въ соприкосновенiе съ другими людьми, кромѣ своихъ, принуждены довольствоваться только тѣми образами, которые открываетъ имъ дома матушка природа. Мои товарищи рѣшили провести свое свободное время въ Пештѣ, для осмотра чия его знаменитостей и чтобы посѣтить Отца Іоанна Раковского, который тогда жилъ въ Бу-

днѣ. Для меня и Кирилла Сабова это рѣшеніе пришло по желанію, потому, что мы въ первый разъ были въ престольномъ городѣ, и сверхъ того хотѣлось намъ всѣмъ видѣть представленіе въ національномъ мадьярскомъ театрѣ. Послѣ нашего прибытія въ третій день по полудню, отходилъ пароходъ въ Вѣну, на которомъ намѣревали товарищи далѣе путешествовать; мы (по)простился и я отправился въ семинарію, гдѣ меня радушно встрѣтилъ мой одно-епархіальный товарищъ Николай Товтъ. Вслѣдъ по предписанію я представился настоятелямъ семинаріи и знакомился съ воспитанниками, собравшимися къ вечеру изъ всѣхъ діецезій, и съ тѣмъ я становился гражданномъ университетомъ.

ВЪ ПЕШТЯНСКОЙ СЕМИНАРІИ

Пештянская семинарія только въ томъ отношеніи разнится отъ другихъ семинарій, что она надъ другими богаче, слѣдовательно и содержаніе воспитанниковъ гораздо лучше надъ другими, а жизнь и дисциплина такова-же, какъ и по другимъ мѣстамъ. Потому для меня она была только продолженіемъ жизни, начатой въ Сатмарской семинаріи, къ которой я вполне привыкъ, а со взоромъ содержанія она превосходила прежнюю. Прежнихъ друзей замѣнилъ новые, молодежь повсюду одинакова, по довѣрчивости своего сердца она скоро дружится между собою. Кажется для души человѣка любовь составляетъ такую же потребность, какъ насущ-

ный хлѣбъ для тѣла. Вообще жилось весело, насколько позволяла принята духовнаго заведенія. Межь воспитанниками было много такихъ, которые отличались необыкновенными дарованіями, и основательною подготовкою; иные изъ нихъ пришли туда съ сознательною цѣлью и амбиціей, чтобы въ послѣдствіи достигнуть, если не епископства, то по крайней мѣрѣ высокія достоинства. Все усиліе ихъ было туда направлено, чтобы прежде всего низложить rigorousныя экзамены и получить степень докторовъ, какъ первое условіе къ своимъ будущимъ отличіямъ. Такое стремленіе латинскаго канра очень естественно, потому, что въ тотъ самый часъ, когда они рѣшились на духовное поприще, по закону безбрачія становились самостоятельными, съ тѣмъ цѣль жизни перестала имѣть иное средоточіе, какъ единственно самихъ себя. Не можно и предполагать, чтобы у нихъ сознательный юноша иначе понималъ все состояніе. Насупротивъ, причетниковъ восточнаго обряда не обязуетъ законъ безбрачія, передъ пріятіемъ чинновъ могутъ остаться безбрачными, но могутъ, если пожелаютъ, и ожениться.

Что касается меня, я звалъ положительно, что если бы я пожелалъ остаться въ безбрачномъ состояніи, мой отецъ сильно воспротивился бы этому, и я уничтожилъ бы тѣ свѣтлыя надежды, которыя онъ возлагалъ на меня. Я былъ единственнымъ у него сыномъ, послѣднимъ изъ родового корня, а онъ желалъ, чтобы жизнь его имѣла продолженіе въ потомкахъ. Не сомнѣва-

юсъ, что въ его воображеніи носилась образы внуковъ, въ томъ онъ и надѣялся въ концѣ жизни обрѣсти наслажденіе. Нѣкоторые изъ монаховъ латинскихъ друзей и понятія не имѣли о томъ, что причетники нашихъ восточныхъ епархій, послѣ окончанія богословскихъ наукъ, могутъ и ожениться. Какъ они въ первый разъ услышали о томъ, удивлялись, и, можетъ быть, стали на насъ, восточныхъ, смотрѣть съ извѣстнымъ соболѣзнованіемъ, какъ на такихъ, которые неспособны понять высоту ангельскаго званія, но иные, изъ болѣе откровенныхъ, считали наше состояніе болѣе счастливымъ отъ ихъ состоянія. Разумѣется въ такомъ убѣжденіи были и мы сами, восточные, а насъ всѣхъ воспитанниковъ, числомъ 62-хъ, было вмѣстѣ съ румынами 12 человекъ, которые, насколько мнѣ свѣдомо, въ послѣдствіи всѣ оженялись, за изытіемъ одного Николая Товта, который, сложивши докторатъ, одно время былъ профессоромъ сперва въ Унгварѣ, потомъ въ Пештянскомъ университетѣ и въ концѣ епископомъ епархій Пряшевской.

Должно сказать, что стѣны Пештянской семинаріи обывали заключать въ себѣ представителей всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ Угорской короны. Естественно, надъ прочими находятся въ преобладаніи мадьяры, за ними словаки и потомъ имѣютъ своихъ представителей югославяне изъ діецезій Загребской, Діаковарской, и Зенгъ - Модрушской, Румыны изъ Венгрии и Семиграда, Русскіе изъ епархій Мука-

чевской и Пряшевской, вконцѣ встрѣчаются и Нѣмцы. Между воспитанниками разговорный языкъ есть преимущественно мадьярскій, но общимъ и чиновственнымъ можно назвать латинскій, на которомъ сообщаются всѣ между собою и съ настоятелями. Этотъ малый міръ, заключенный стѣнами заведенія, много походить на государство, составленное изъ разныхъ народностей. Потому, какъ во вѣншемъ широкомъ мірѣ, такъ и здѣсь составные части цѣлаго, по закону однородности своей, слагаются въ отдѣльные кружки и дружатся между собою. Находящаяся въ разгарѣ своего развитія молодежь въ большинствѣ уже изъ родного дома приходитъ съ племеннымъ сознаниемъ, и пріятно ей, если сходится съ близкимъ его сердцу одноплеменникамъ. Мноѣ мнится, въ такомъ положеніи, если бы нѣкоторый юноша и не дошелъ прежде до племенного сознанія и честолюбія, долженъ бы неминуемо побудиться къ тому по примѣру другихъ, особенно тѣхъ, которые въ глубинѣ своего сердца переняты народолюбіемъ, какъ Румыны и Южные Славяне. Они высоко став(а)ютъ свою народность надо всѣми, и въ чувствѣ своего превосходства надъ прочими, ни за что подъ небомъ не уступ(а)ютъ ни одной точки изъ своихъ убѣжденій. Равно и Мадьяры, какъ преобладающая въ своемъ домовствѣ стихія, съ полнымъ правомъ считали себя первенствующими надъ другими, которые, по ихъ убѣжденію, были только присельниками, пользующимися правомъ страны, только по ихъ

благородному снисхожденію. Впрочемъ, въ вопросѣ племеннаго сознанія есть и такія исключенія, что одинъ или другой юноша, говоря на трехъ языкахъ или больше, собственно и самъ не знаетъ, къ какой народности долженъ онъ причисляться, потому у него вопросъ религіи есть единственнымъ мѣродательнымъ вопросомъ. Вообще племенное сознаніе болѣе развито у пограничныхъ воинственныхъ жителей, которые, находясь въ вѣковой борьбѣ съ непріятелями, имѣють прошедшее и славныхъ народныхъ героев; насупротивъ, сыны такого народа, у котораго нѣтъ исторіи и значительной литературы, въ племенномъ сознаніи обыкло стоять на низкой степени; вмѣсто того, ихъ воззрѣнія, клоня(е)тся (къ) космополитизму.

Въ семинаріи, независимо отъ богословскихъ наукъ, издавна существуютъ двѣ самообразовательныя школы, одна Мадьярская, другая Славянская. Успѣяніе Мадьярской школы поощряется ежегоднымъ изданіемъ нѣкотораго творенія святыхъ отцевъ или сочиненія знаменитыхъ церковныхъ писателей. Части сочиненія для перевода раздѣляются между членами, въ работѣ всѣ принимаютъ равномерное участіе. Кроме того одинъ разъ въ недѣлю въ урочной часъ собираются въ школу, и тамъ прочитываются самостоятельныя сочиненія, по разнымъ отраслямъ наукъ, которыми составилъ одинъ или другой изъ членовъ школы, и въ томъ случаѣ, если оно встрѣчается съ одобреніемъ, слагается въ книгохраншлица, а иногда появляется въ печати.

Изданія Мадьярской школы пользуются особеннымъ покровительствомъ отечественной иерархii, которая посылаемые ей почетные экземпляры искупаетъ щедрою рукою, и тѣмъ обезпечиваетъ издержки изданія.

Члены Славянской школы также собираются одинъ разъ въ недѣлю, но они не издають сочиненій за немѣнѣемъ къ тому средству, потому, что не имѣють щедрыхъ покровителей. Поэтому занятія членовъ ограничиваются чтеніемъ Славянскихъ писателей или дружнымъ собесѣдованіемъ между собою. Иные воспитанники состоятъ членами обѣихъ школъ. Я такъ же состоялъ членомъ Мадьярской школы, въ то время я восхищался твореніемъ Мадьярскихъ поэтовъ Александра Петевфи, а преимущественно Іоанна Аранъ. Я пробовалъ и самъ составлять и прочитывать на собраніи стихи, и пріятель сулилъ мнѣ свѣтлую будущность. Между тѣмъ, по мѣрѣ учащенія случаевъ поэтического настроенія, во мнѣ*) росла любовь къ природѣ, а между стѣнами я былъ лишенъ того наслажденія. Иногда при первомъ вступленіи въ пышный городъ мнѣ казалось, что жизнь въ немъ несравненно свѣтлѣе, чѣмъ жизнь на провинціи, а теперь показалась мнѣ отвратительною. Великолѣпіе города въ сравненіи съ ненамѣрною природою показалось мнѣ такою бѣдною грудю камней, съ присущимъ по всюду поврежденнымъ, давящимъ воздухомъ, что весь тотъ городъ мо-

*) «въ мнѣ»

жить болѣе считаться гробомъ, чѣмъ жилищемъ людей. Противною становилась мнѣ уличная толкотня, гулъ и стукъ и вся обстановка; не помню, чтобы я въ жизни такъ скучала, какъ тогда. Я скучала за моими родными горами, онѣ постоянно представлялись въ моемъ воображеніи въ такомъ райскомъ освѣщеніи, въ какомъ можетъ ихъ представлять одно тужа(ю)щее сердце. Не было мѣры моей радости, когда я послѣ двухъ лѣтняго отсутствія, на возвратномъ къ дому пути уже изъ за Тисы завидѣлъ синющія въ дали родныя горы и почувалъ отъ нихъ вліяніе свѣжаго воздуха.

Есть такая пословица, что повсюду добре, а дома наилучше. Истина сего изреченія всего болѣе чувствуется послѣ продолжительнаго пребыванія на чужбинѣ. Послѣ прибытія на родину, наконецъ я могъ отдаться неограниченному удовольствію дышать свободнымъ воздухомъ, и упоить душу впечатлѣніями великолѣпной природы. Продолжительное отсутствіе еще болѣе воспламенило во мнѣ любовь къ родинѣ, къ родному языку, а преимущественно къ несравненному восточному церковному обряду, на которомъ я не имѣлъ случая такъ долго присутствовать. Я теперь отирывалъ въ немъ новыя красоты и живительную духовную силу, еще и въ молитвѣ есть разница, она исполнена сладостію, если возносится на материнскомъ языкѣ, на которомъ въ первый разъ пролепетали дѣтскія уста имя Бога, и сердце стало по родному чувствовать. Время праздничъ пролетѣло въ постоянномъ свѣтломъ

духовномъ торжествѣ, въ Унгварской семинаріи предстоѣла встрѣча съ давнишними добрыми друзьями, съ которыми я давно не видался. Они приняли меня съ радушіемъ, и я межъ ними чувствовался словно такъ, какъ межъ родными братьями. Присутствуя на первой торжественной литургіи, когда я снова услышалъ прекрасное хоральное пѣніе гармоніи, оно произвело на меня такое наслажденіе, отъ котораго я пришелъ въ восторгъ. Первымъ моимъ дѣломъ было посѣтить хордиригента, добраго батька Константина Матезонскаго и на основаніи прежнихъ моихъ въ этомъ отношеніи свѣдѣній присовокупиться къ членамъ хора. Въ самомъ началѣ года явилась у меня мысль, (что), по видѣнію въ латинскихъ семинаріяхъ примѣру, было бы полезнымъ дѣломъ, если бы и у насъ была основана самообразовательный кругъ, цѣлю котораго было бы, независимо отъ богословскихъ наукъ, въ свободное время заниматься и народною литературой. Данную мысль воспитанники встрѣтили сочувственно, составлены были правила основанаго самообразовательнаго круга и путемъ Уповѣдителя семинаріи для одобренія представлены Его Пресвященству Василію Поповичу. Межъ тѣмъ, почти всѣ воспитанники, вступивъ въ члены самообразовательнаго кружка, одинъ разъ въ недѣлю въ урочный часъ стали собираться и совѣщаться о предпринимаемыхъ дѣлахъ, одушевленіе общало много, все зависѣло только отъ одобренія правилъ начальствомъ, чтобы юный питомникъ будущихъ народныхъ дѣятелей сталъ твердою

ногого на прочномъ основаніи. Дѣло разсуждалось и на консисторіи, и проявленіе жизни въ юномъ карьерѣ не у всѣхъ вліятельныхъ лицъ удостоилось одинаковаго сочувствія и одобренія. Были, которые не только одобряли цѣль круга, но и обѣщали вспомогать дѣятельность юнаго матеріальными средствами; насупротивъ, были и противники, хоть и не многіе, приводя такіе доводы, что цѣль пребыванія воспитанниковъ въ семинаріи заключається въ усвоеніи надо всѣмъ богословскихъ наукъ, а, если они станутъ тратить время въ излишнихъ постороннихъ занятіяхъ, то можемъ имъ послужить въ ущербъ достиженія главной цѣли по ихъ званію. Причина сопротивленія сихъ заключається собственно не въ боязни (отъ) того, что воспитанники станутъ пренебрегать студіи богословскихъ наукъ, но болѣе въ томъ обстоятельстве: ихъ оскорбляло, что молодежь принялась за дѣло не по ихъ почину и не подъ ихъ авторитетомъ. Конечно, это съ ихъ стороны было такою слабостью, которую намъ, зачинщикамъ, слѣдовало заблаговременно принять во вниманіе, но можетъ-ли всякій молодой человекъ дойти къ соображенію подобныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ повредить и самому похвальному предпріятію?

Какъ оказалось въ послѣдствіи, лучше было и не приниматься за дѣло, нежели прельщаться напрасною надеждою, что оно увѣнчается успѣхомъ, какъ по инымъ латинскимъ семинаріямъ, а въ особенности въ центральной Пештянской, гдѣ покровительствомъ настоятелей и поощреніемъ

всей Угорской іерархіи, самообразовательная школа пользовалась всегда всѣми благопріятными условіями, пособствующими ея процвѣтанію. У насъ предпріятіе, въ самомъ зародышѣ своемъ, встрѣтило непріязнь со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ. А мнѣ причинило одни непріятности. На представленныя на подтвержденіе Епископу всѣ правила самообразовательнаго круга не слѣдовало никакого рѣшенія, между тѣмъ первобытній пламень одушевленія въ молодежи помалу ослабѣвала, пока послѣ двухлѣтнаго существованія конечно не угасъ.

РѢШЕНІЕ МОЕЙ СУДЬБЫ

Послѣ окончанія учебнаго поприща, мнѣ было только 22 года, и я еще не успѣлъ возбудиться изъ того идеальнаго міра, въ которомъ я жилъ. Родители стали охотно заводить рѣчь о предстоящей мнѣ женитьбѣ, но у меня еще не было ни знакомства, ни рѣшенія на счетъ избранной ими для меня невѣсты, предъ моимъ духовнымъ взоромъ вознасъ другій вопросъ, именно, вопросъ примѣненія своихъ слабыхъ силъ къ жизни, чтобы становиться полезнымъ для церкви и для народа. Слѣдовало прежде всего изслѣдовать поле предпринимаемой дѣятельности, сообразить обстоятельства и сосчитаться съ ними. Полученный образъ дѣлъ былъ до того теменъ и безнадеженъ, что все волшебное обаяніе моего прежняго идеальнаго міра должно было сразу исчезнуть. Всякій народъ создаетъ своихъ дѣтей

по образу своей вѣковой судьбы, а каковъ этотъ образъ бѣдныхъ Угровъ-руссовъ, состоятъ-ли они автохтонными жителями земан или потомками пришельцевъ князя Корьятовича? У нихъ не было самостоятельной исторіи, ни собственнаго политическаго значенія, ни литературы, жизнь ихъ тускло мерцала съ вѣка на вѣкъ, единство въ ихъ церковномъ существованіи равно, какъ мерцаетъ среди тьмы лампада. Жизненный сокъ народа послужилъ для превращенія силы преобладающаго элемента, вѣковой его быть истекать въ томъ, чтобы приготовить дрова на жертвенникъ чужой славы. Ни въ прошедшемъ, ни впереди не было тѣхъ свѣтлыхъ идеаловъ, которые приводятъ потомковъ въ одушевленіе, привлекаютъ сердце къ себѣ, возбуждаютъ племенную гордость и рождаютъ самосознаніе. Природная моя наклонность располагала меня къ поэзии, увлекла на литературное поле, а у насъ на этомъ почвѣ успѣли проявиться только первые весенніе цвѣтки. духъ желалъ плыти на морѣ, а моря не было. Мнѣ кажется, что мой корабль готовъ къ отпавтію, а принужденъ стоять на сушѣ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе желающаго развить свою силу въ области литературы равняется кораблю, который прежде всего нуждается въ морѣ и просторѣ, чтобы его парусы при движеніи воздуха понеслись впередъ. Легко успѣять литературному труженику такого народа, литература котораго стоитъ на высокой степени развитія, дѣятельность его имѣетъ полный просторъ, и трудъ его оцѣняется по достоинству. Другимъ условіемъ

успѣянiя есть, чтобы никто не ограничалъ ему свободу дѣйствiя. Въ нашей домородной области, не представлялось никакихъ благопрiятныхъ условiй, одушевленiе сдѣловало принимать только отъ единственнаго источника, отъ матушки природы, которая богатство своего великолѣпiя открыла всѣмъ одинаково. Она становится мнѣ всеобъемлющимъ евангелiемъ, замѣняющимъ недостатокъ всего того, что содержится у иныхъ счастливыхъ племенъ въ богатыхъ библіотекахъ. Поскольку любовь природы есть тою силою, которая всѣ пружины души приводятъ въ движенiе для того, чтобы мыслъ и чувство воспроизвести въ соответствующихъ образцахъ, не поддавшись сомнѣнiю, что я занимаюсь бы поэзiей и въ томъ случаѣ, если бы суждено моимъ творенiямъ навсегда оставаться неизвѣстными. Все то для удовольстворенiя духа (есть) такимъ-же удовольствiемъ, какъ есть для птицъ пользованiе своими, данными имъ отъ природы, крыльями. Въ то время я полагалъ, что пламень одушевленiя не подчинитъ влiянiю внѣшнихъ непрiязненныхъ обстоятельствъ, но неугасимо питается изъ внутренняго своего источника.

Лучше бы никогда не возбудиться изъ такого прiятнаго заблужденiя. Переживая время блаженнаго упоенiя, когда еще духу вся природа отзывалась тѣмъ-же согласiемъ, которое царствуетъ въ немъ, сила незнакома съ истомою жизни, но находится въ постоянномъ кипѣнiи; куда ни ходилъ я, всегда и повсюду слышалъ и видѣлъ я одноотзывающуюся сердцу прекрасную живую

природу. Я весь жилъ въ природѣ и природа жила во мнѣ. Если птица безсознательно исполняетъ свое назначеніе тѣмъ, что немолчно щебечеть свою пѣсню, то я дѣлалъ то же. Въ то время я написалъ много стихотвореній на мадьярскомъ языкѣ, изъ которыхъ одни помѣщены въ концѣ моихъ русскихъ стихотвореній на листахъ 321-322. Видимо, какъ во мнѣ, такъ и въ большинствѣ моихъ соплеменниковъ, самосознаніе до того слабо и уже давнымъ давно заглушено, что оно приходитъ иногда позже, иногда проживается весь вѣкъ безъ того, чтобы мы опомнулись, къ какой народности мы собственно должны причисляться? Просто живемъ безъ сознанія, равняемся камешкамъ, которые горнеть наводненіе съ собою: куда, гдѣ остановится случайно — и сами не знаемъ. А пробудится ктонибудь изъ вѣковой летаргіи, ужъ конечно лучше бы и не пробуждаться, потому что ничего свѣтлаго не видишь въ омертвѣломъ мірѣ.

Истощеніе племени, поставленныхъ въ неблагоприятныя условія, происходитъ постепенно, съ вѣка на вѣкъ, въ концѣ народъ доходитъ къ тому, которое обнаруживается, въ недостаткѣ самоощущенія. Это равняется предсмертной агоніи, вѣстникъ гибели уже стучитъ въ двери, догораютъ послѣднія искры жизни, искра за искрою, прекращается дыханіе, и духъ оставляетъ тѣло. Ньюцій отъ чахоточной заразы человѣкъ обыкновенно не склоненъ вѣрить, что въ его тѣлесномъ составѣ начался процессъ разложенія, въ концѣ ищетъ только такое мѣсто, гдѣ можетъ сво-

бодно дышать. Въ природѣ существуютъ земноводныя животныя, которыя могутъ одинаково проживать, какъ на сушѣ, такъ и въ водѣ. Межъ людьми есть тоже много подобныхъ натуръ, по надобности ищутъ*) приютъ тамъ, гдѣ лучше живется; по этому пути доходятъ иногда до космополитизма, они выше ставятъ себя отъ вопроса пѣнной принадлежности, кажется и не замѣчаютъ, что они (съ) этимъ утрачиваютъ значеніе своей индивидуальности, не иначе, какъ утрачивается свое значеніе вода ручейка, сливающаяся съ неизмѣримымъ моремъ.

Настоящая индивидуальность челоѣка начинается отъ его самосознанія. То состояніе, въ которомъ онъ находится передъ самосознаніемъ, равняется состоянію сна. Въ спящемъ есть огонь жизни, но таятъ подъ покровомъ тепла, духъ тоже не перестаетъ работать, но находится въ чужой области подъ вліяніемъ обманныхъ видѣній; въ первый разъ, когда занимается заря самосознанія, возбуждается, воспламеняется въ немъ огонь жизни, духъ озаряется свѣтомъ, и его индивидуальность является въ настоящемъ образѣ. Вотъ таковъ ребенокъ, который, забавляясь догосей своей тѣни, добѣжалъ къ водѣ, въ которой сразу увидитъ отраженіе своего образа. Какъ бы непригляденъ ли былъ видимый ребенкомъ образъ, онъ возрадуется ему, потому, что въ немъ узнаетъ самого себя. Неприглядный образъ, отраженный въ судьбѣ неразвитаго угро-

*) «искануть»

русского народа, но краснѣть онѣ въ церковной жизни. Мое сознание началось отъ увлеченія красотою нашего восточнаго обряда, я прежде всего возжелала усвоить церковно - славянскій языкъ, въ томъ дѣлѣ много пособствовала мнѣ примѣръ отца, который особенно восхищался твореніемъ Іоанна Дамаскина. Между тѣмъ попалась мнѣ въ руки два-три творенія русскихъ поэтовъ и сочиненія Гоголя, разумеется, это было для меня несомненнымъ приобрѣтеніемъ, я читала и перечитывала ихъ съ душевнымъ наслажденіемъ, и съ тѣмъ началась во мнѣ племенная кристаллизція.

Въ началѣ 60-хъ годовъ мое вѣдѣніе въ русскомъ языкѣ было еще недостаточно. Оно ограничилось простонароднымъ говоромъ. Если я принималась читать книгу, писанную на литературномъ языкѣ, въ ней встрѣчались слова, значеніе которыхъ я вообще не понимала, или только догадывалась о значеніи оныхъ; если я желала что нибудь изложить по русски, то прежде долженъ былъ составить по мадярски, и то самое переводить на русскій языкъ; но и тотъ переводъ выходила крайне неуклюжимъ, тяжелымъ и исполненнымъ мадяризмами; а что относится къ произношенію о соблюденіи удареній, пока мѣсть не могло быть и слова. Въ гимназійныхъ классахъ, за малыми изъятіями, мы учили по русски только катехизисъ, въ семинаріяхъ богословскіе предметы я учила по латыни, и такъ родной языкъ остался въ пренебреженіи. Въ бытность мою въ Пештянской семинаріи отецъ

Иоаннъ Раковскій, когда онъ по воскресеніямъ имѣлъ свободное время, приходилъ въ семинарію и давалъ намъ уроки изъ русской грамматики, когда на его преподаваніяхъ, кромѣ насъ, русскихъ воспитанниковъ, являлись по два или три Сербовъ и Словаковъ; вслѣдствіе его труда мы хоть много продвинулись впередъ, но однакожь все это служило только поощреніемъ къ дальшему успѣванію, которое слѣдовало достигнуть не иначе, какъ по собственному прилежанію. Извѣсти, нашъ ревливый народолюбивецъ заслужилъ нашу благодарность, что онъ, живя въ Буднѣ, не обинивался потрудиться въ довольно отдаленную семинарію для нашего обученія, съ той цѣлью, чтобы сдѣлать изъ насъ способныхъ труженниковъ народнаго дѣла.

При такихъ обстоятельствахъ, когда у насъ нѣтъ ни одной средней и высшей школы съ преподавательнымъ русскимъ языкомъ, естественно нельзя усвоить родной языкъ въ томъ совершенствѣ, какъ бы это слѣдовало. Пока мы оканчиваемъ школьное поприще съ тѣмъ, что прекрасно владѣемъ мадыарскимъ языкомъ въ словѣ и стилѣ, даже превосходимъ въ изяществѣ рѣчи самыхъ природныхъ мадыаръ; въ родномъ языкѣ остаемся на очень низкой степени. Однимъ столѣтіемъ назадъ, во время епископа Андрея Бачинскаго, священники вели чиновственную переписку довольно правильнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, лучшіе образцы исходили изъ самой епископской канцеляріи, потому

вмѣсто успѣвнiя въ письменности, что далѣе, замѣтень упадокъ. Книги, появившiяся въ печати до 50-ыхъ годовъ (и то было рѣдкостью), писаны авторами произвольно, наугадъ, какъ имъ вздумалось, ни мало не заботясь о томъ, писано ли то по установленнымъ правиламъ грамматики или нѣтъ, только въ теченiи 50-ыхъ годовъ сталъ издавать отецъ Иоаннъ Раковскiй «Церковную Газету» въ Будинѣ на правильномъ литературномъ языкѣ, но и то держало недолго, потому что онъ, вслѣдствiи злонамѣренныхъ доносовъ и подозрѣнiй, долженъ былъ прекратить изданiе газеты и переселиться на порубинцю, получивши отъ начальства приходъ Иванскiй. Есть и донинѣ немало людей, отдающихъ предпочтенiе простонародному говору надъ литературнымъ языкомъ, основываясь на томъ предположенiи: будто бы образованiе и развитiе литературы должно исходить изъ живаго народнаго говора. Это положительно такъ, но они межъ тѣмъ не догадываются, что вѣдь литературный языкъ выработался изъ народнаго говора, послужившаго предъ многими вѣками основанiемъ и самому церковно-славянскому языку, который въ свою очередь послужилъ основанiемъ литературному. Извѣстно, человекъ съ здоровымъ умомъ не подпадаетъ такому заблужденiю, вѣдь для того, чтобы выработался подобный нынѣшнему литературный языкъ, требовалось бы много народныхъ силъ, много времени и, полагаемъ, процессъ развитiя при благоприятствующихъ обстоятельствахъ кончился бы тѣмъ, что будущiя

поколѣнья дошан бы до той степени, на которой стоитъ нынѣшній литературный языкъ. А тутъ рѣчь идетъ о горсти поименнаго народа, лишеннаго всѣхъ условій развитія, въ томъ вопросѣ: просуществуетъ-ли онъ и до слѣдующаго поколѣнія, не исчезнетъ ли скоро съ лица земли, что и память сгладится о немъ? И эти премудрые люди говорятъ о литературѣ!

Любовь къ извѣстному, хоть бы то чужому языку, растетъ по мѣрѣ успѣянія въ немъ. Напротивъ, и родной языкъ, если пренебрегаемъ, бываесть, становится намъ непривлекательнымъ, и почти чужимъ. Чтобы оцѣнить высокое достоинство русскаго языка, независимо отъ того: русскіе ли мы или чужіе, нужно только рассмотреть строй церковно-славянскаго, и по сравнительной филологіи сразу должны мы пойти въ изумленіе про совершенство онаго. Переводъ священныхъ книгъ исходитъ изъ девятаго столѣтія, значить, уже предъ однимъ тысячелѣтіемъ стоялъ на той степени, что могъ принять формы классическаго греческаго языка. Отецъ мой любилъ заводить рѣчь о совершенствѣ и благозвучности языковъ, и не разъ выражался съ удивленіемъ объ этихъ качествахъ церковно-славянскаго.

Случилось, что онъ заставлялъ меня приготовиться съ церковною проповѣдью въ нарочитые праздники, я приготовлялся и провозглашалъ составленные на письмѣ и заученныя наизусть проповѣди, но все еще чувствовалъ, что я далеко отстою отъ той плавности, съ какою

могъ бы я произнести тоже слово на мадьярскомъ языкѣ. Потому я предполагалъ, вмѣсто чтенія латинскихъ книгъ, или вмѣсто напраснаго препровожденія времени въ охотѣ за звѣрями, къ которой я было тогда пристрастился, научиться по русски. Предстояло бы начинать съ грамматики и словаря, но ихъ не было у меня. При такихъ обстоятельствахъ я не задумывался много, но взявъ церковно-славянскую библію, изданную бл. п. Григоріемъ Тарковичемъ и съ помощію латинской Вульгаты сталъ читать съ начала до конца, значеніе несвѣдомыхъ мнѣ словъ отыскивая въ латинскомъ текстѣ. Съ тѣмъ я приобрѣлъ извѣстное богатство словъ, и разомъ много успѣвалъ въ усвоеніи правильнаго гласоударенія. Позже дѣло шло уже успѣшнѣе, когда мнѣ удалось приобрести словарь, и я сталъ свободно читать произведенія русской литературы и газеты.

ЖЕНИТЬБА И ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ

Менѣ тѣмъ пора было думать и о женитьбѣ. Въ теченіи 1861 года я нѣсколько разъ посѣтилъ нареченную мнѣ родителями невѣсту, мы съ нею съ перваго же взгляда знали, что принадлежимъ другъ другу, потому что наши родители еще въ малолѣтствѣ согласились между собою на счетъ нашего брачнаго союза; предъизбраніе ихъ оправдалось теперь и нашими взаимными чувствами. Эта нареченная моя невѣста

была Марія Рацъ, дочь Петра Раца, приходскаго священника въ Дусинѣ. 1861 года мѣсяца Декабря, числа 23/11-го состоялось наше обрученіе, и 1862 17/5 февраля отпразднована и свадьба.

Того же года, въ началѣ Октября я отправился въ Унгварь для принятія св. чиновъ, которыя я и принялъ отъ его преосвященства епископа Василія Поповича, именно: 8 Октября поддіаконство, 19 октября діаконство, и, въ конецъ, 9 Ноября чинъ іерейства.

Безсомнѣнно достиженіе извѣстной предположенной цѣли считается въ жизни торжествомъ, и я принятіе чина іерейства считалъ конечно торжествомъ, но оно значило не то, что я достигъ пристани,*^{*)} что я дошелъ къ первой стоянкѣ. Потому состояніе новосвященника первою стоянкою, что до полученія самостоятельнаго помѣщенія слѣдовало дожидаться по крайней мѣрѣ три года. Я очутился въ такихъ обстоятельствахъ, что новосвященниковъ было много, насъ, сверхъ прежде рукоположенныхъ и ожидавшихъ помѣщенія, новѣйше приняло чинъ іерейства человекъ 24, а упраздненныхъ приходъ не было вообще. Въ нашей епархіи и прежде было такое постановленіе, въ силу котораго новосвященники не имѣли права просить прихода передъ истеченіемъ трехъ лѣтъ, но тестъ или родитель письменно обязывался передержать подлѣ урочнымъ временемъ зятя или невьсту на

^{)} «въ пристань»

собственный счет. Приходилось бы по принятому обычаю оставаться мнѣ на шеѣ отца, который, впрочемъ, не былъ богатъ средствами, но мой отецъ, съ нетерпѣніемъ дожидавшійся моего рукоположенія, радовался, что можетъ имѣть во мнѣ своего сотрудника. Онъ, имѣя собственный домъ, жилъ въ немъ съ матушкою, а намъ оставалъ только-что оконченный приходскій домъ, равнообразно подѣланъ приходскія земан, отпустилъ оныя въ мое пользованіе и уступилъ половину всѣхъ своихъ доходовъ. Жилось намъ прекрасно въ это золотое время до начала 1865-го года; болѣе въ жизни я не испытывалъ такнхъ свѣтлыхъ дней, жаль, что они держали недолго. Съ началомъ 1865 года захворалъ мой тестъ Петръ Рацъ, и 2 числа Марта скончался; оставленная имъ вдова Марія Бакичъ находилась въ крайне невыгодномъ состояніи съ своими 4-мя осиротѣвшими дѣтьми, изъ которыхъ найстаршій сынъ Викторъ кончалъ 6-ый гимназіальный классъ въ Унгварѣ. Она и въ своемъ безпомощномъ состояніи обратилась ко мнѣ съ просьбою, чтобы я согласился переселиться въ приходъ Дусинскій, на годъ ея вдовическаго отдохновенія, какъ довременный администраторъ. я и согласился, хоть мой отецъ не мало не былъ наклоненъ отпустить меня отъ себя. Епархіальное начальство, передъ которымъ покойный Петръ Рацъ стоялъ въ большомъ уваженіи, когда опечаленная вдова представила предъ нимъ свое состояніе, приняло просьбу ея не только съ состраданіемъ и сочувственно, но даже обѣщало послѣ

истечения года вдовическаго отдохновенія меня наградить полученіемъ Дусинскаго прихода. Общаніе награды никогда не побудило бы меня оставить отца, потому, что я былъ доволенъ своимъ состояніемъ въ Сусковомъ; начатое на новосельи хозяйство шло довольно успѣшно для удовлетворенія нашихъ невеликихъ требованій; до того мы оба съ отцемъ думаемъ, что не разставаясь будемъ жить всегда вмѣстѣ. Не будь того несчастнаго случая, мы бы и не разстались никогда; впрочемъ, сказать откровенно, я и немного полагался на исполненія общанія начальства, но побудило меня къ такому рѣшенію безпощадное состояніе вдовы и ея семьи. Были не воспитанными дѣти, были долги, а средствъ осталось очень недостаточно. Подъ годомъ отдохновенія я прилагалъ усилія очистить семью отъ долговъ, а больше сдѣлать было невозможно. Съ приближеніемъ конца вдовическаго года, вдова все еще полагалась на общаніе начальства, больше разъ отправлялась въ Унгварь, но тамъ стали говорить иначе, чѣмъ предъ тѣмъ. Въ недостатокъ упраздненныхъ приходовъ, на полученіе Дусинскаго прихода посыпалось столько просьбъ, даже отъ старшихъ священниковъ, что молодшимъ слѣдовало и далѣе съ терпѣніемъ дожидаться своей очереди. Взвѣдъ вдову отпустили съ тѣмъ, чтобы она перестала прельщаться напрасными неисполнимыми надеждами, и разомъ она была освѣдомлена о томъ, что на Дусинскій приходъ назначенъ новый приходникъ. Въ такомъ положеніи обстоятельство, не остава-

лось много вперед, какъ возвратиться къ моему отцу и у него просить приютъ вмѣстѣ съ привязаннымъ ко мнѣ семействомъ. Я предвидѣлъ, что мнѣ предстоитъ перебиваться съ недостатками, но начатое дѣло требовало продолженія, потому я, долго не задумываясь, отправился къ моему отцу. Отецъ тоже предвидѣлъ, что его малый приходъ недостаточенъ для пропитанія трехъ семействъ, но, понимая необходимость моего подвига, согласился на наше переселеніе. 1866 года 29. III. 10. IV. въ свѣтлый вторникъ къ полудню явились Сусовскіе вѣрники, перевезли наши вещи, и съ тѣмъ я снова очутился со-трудникомъ отца.

Весна была какъ разъ на дворѣ. Отецъ мой, нѣмѣя на сердцѣ благополучіе своихъ дѣтей, съ перваго-же времени когда подѣлался со мною землей, разомъ постарался снабдить меня щедрою рукой всею необходимомъ къ хозяйству: у меня была собственная упряжь лошадей и воловъ, коровы, дробный дворовый скотъ, возы, хозяйственныя орудія, и такъ въ томъ отношеніи не было затрудненія, чтобы успѣшно заняться хозяйствомъ. Сверхъ того и повѣрники относились ко мнѣ, какъ къ своему уроженцу съ искреннимъ радушіемъ, если бы я нуждался въ чемъ-нибудь, они съ готовностью помогли бы мнѣ своей работой, какъ они и дѣйствительно и помогали мнѣ, сколь разъ это ни понадобилось. Я съ усиленнымъ прилежаніемъ принялся за полевыя работы, отдался вполне хозяйству, по мѣрѣ дальшаго успѣянія для меня было не-

малою нравственною наградою, когда я видѣлъ, что отецъ мой былъ доволенъ моими неуспѣшными трудолюбивыми дѣлами и сталъ уважать меня, и на счетъ предпринимаемыхъ дѣлъ всегда сталъ пользоваться моими совѣтами. Еще довольнѣе становился онъ, когда увидѣлъ пространный приходскій огородъ засаженный множествомъ благородныхъ фруктовыхъ деревьевъ, и что на мѣстѣ, избранномъ для новосоздаваемой церкви, навезено столько строевого камня, что можно было приняться за постройку. Созиданіе церкви было издавна главнѣйшимъ желаніемъ его сердца, но онъ, соображаясь съ малочинностью пѣрниковъ и недостаточностью церковной казны, какъ-то не осмѣливался начать дѣло. Работа кипѣла и благословленіе основного камня съ торжествомъ отпраздновалось 1868 года 3-го числа Іюня, припадавшаго въ третій день праздника Сошествія Святаго Духа, и послѣ того работа пошла еще съ большею ревностью къ большому утѣшенію моего отца. Межь тѣмъ жили мы хоть и не роскошно, но въ довольствіи и соотвѣтственно нашимъ скромнымъ требованіямъ.

Наше соотношеніе съ отцомъ стало отанчаться изъ дня въ день возрастающею пріязнью, и прежде никогда не происходило между нами ничего такого, что могло бы нарушить нашу взаимную любовь, теперь въ самомъ дѣлѣ мы жили другъ для друга, и свободное отъ занятій время проводили постоянно вмѣстѣ. Онъ до того былъ привязанъ ко мнѣ, и я къ нему, что мы не думали о недостаточности прихода; если бы мнѣ

въ то время и открылась возможность получить доходное мѣсто, я не пожертвовала бы несомнѣннымъ духовнымъ союзъ не только ради улучшенія своего матеріальнаго состоянія, но и за что на свѣтъ. Послѣ моего возвращенія въ Сусково разъ въ самомъ дѣлѣ открылась для меня возможность получить приходъ и сдѣлаться независимымъ.

Донынѣ остается передо мною дѣло неразъяснимымъ, по чьему вліянію, благожеланію, или покровительству могло то статься: разъ неожиданно получала я распоряженіе, въ которомъ была назначена администраторомъ въ Латурку. Это небольшое сельце, состоящее изъ 400 душъ, лежитъ на окраинѣ Бережанскаго комитата, не подалеку отъ границы Галиціи: оно расположено по обѣимъ сторонамъ Латорицы, которая исходитъ отъ источника почти на самой границѣ и проходитъ далѣе селомъ, еще небольшимъ потокомъ; каменная церковь была покрыта жезью, но приходской домъ былъ еще деревянный въ запущенномъ состояніи; вблизи церкви на просторномъ церковномъ огородѣ находится источникъ кислой воды: конгруального жалованія 119 гульденовъ. Мѣсто само по себѣ благовидное, спокойное и уютное, особенно для такого человѣка, кто по своей натурѣ наклоненъ къ уединенію, оно кажется какъ-разъ способно удовлетворять требованія желающаго заняться хозяйствомъ новосвященника, но для меня оно было запоздалымъ даромъ. Въ немъ въ то время вдова прежняго священника пользовалась годомъ

отдохновения, и такъ, въ томъ случаѣ, если бы я по принужденности рѣшился принять предложенное мѣсто, сдѣлало бы снова подвергаться убыточному переселенію, и, въ надеждѣ на самостоятельность,^{*)} утратить цѣлымъ годъ. Какъ я сообщалъ вѣсть отцу,^{**)} онъ не сказалъ ни слова, но я видѣлъ, что она произвела въ немъ крайне неприятное впечатлѣніе; но его лицо вскорѣ просіяло, когда я рѣшительно осѣдломилъ его, что я не наклоненъ принять непрошенное назначеніе; такъ онъ и успокоился. Онъ имѣлъ прежде намѣреніе выхлопотать у правительства, чтобы я остался при немъ съ правомъ наследства, по этому случаю онъ недолго отнесся о дѣлѣ съ просьбою къ начальству, и его просьба увѣнчалась успѣхомъ. Въ нашемъ дальшемъ сожитіи духовный союзъ возвысился до той необыкновенной между отцемъ и сыномъ степени, что мы становились другъ другу духовными отцами, и тайну покаянія совершали другъ у друга. Починъ происходилъ отъ отца, съ тѣмъ онъ приступилъ ко мнѣ съ генеральною исповѣдью со всей жизни, такъ дѣлалъ онъ и въ послѣдствіи до самаго конца.

О-ВО СВ. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО

Между тѣмъ хоть мое присутствіе было необходимо и на полѣ, и при постройкѣ церкви и въ чиновственныхъ дѣлахъ, однако-жъ я ста-

^{*)} «самостоятельности»

^{**)} «съ отцемъ»

рался улучшить часть времени и для чтенія. Я вставала обыкновенно съ восходомъ солнца, отправлялася по дѣлу, и возвращался позднимъ вечеромъ, но я бралъ съ собою книгу и газеты и досужнымъ временемъ воспользовался для удовлетворенія моеѣ духовной жажды. Лѣтомъ, въ дождливые дни, я оставался дома, а все зимнее время было свободно отъ постороннихъ занятій. Несмотря на то обстоятельство, что великая часть моего времени была поглощаемна многосторонними занятіями, было все-таки столько досуга, который можно было бы посвятить и писанію, но я не приходилъ въ такое настроеніе по той простой причинѣ, что у насъ не было области къ тому. Для писателя нужно поле дѣятельности, а у насъ съ прекращеніемъ «Церковной Газеты» Іоанна Раковского, не появилось никакой газеты, ни періодическаго изданія. Издатели, выходившихъ въ Галиціи часописей, пользовались такимъ своеобразнымъ правописаніемъ, которое ни мало не походило на литературный языкъ. Оставалось бы издать что нибудь самостоятельно, а къ тому не было ни средствъ, ни издателей, ни покровителей, — ничего. Роковая безжизненность давила душу и облекала на безпокойствіе. Кто, вопреки этимъ обстоятельствамъ, не переставалъ заниматься редною письменностью, безсомнѣнно занимался ею для собственнаго духовнаго наслажденія. Среди роковой безжизненности только то обстоятельство подавало нѣкоторую слабую надежду на лучшую будущность, что свѣтлой памяти

архи-іерей Василій Поповичъ, Мукачевскій, и Іосифъ Гаганецъ — Пряшевскій, еще 1864 года предприняли [рѣшеніе] основать литературное общество, названное отъ св. Василія Великаго; цѣль его заключалась: въ изданіи учебниковъ для народныхъ школъ, распространеніи полезныхъ книгъ для чтенія и вообще развитія угорской литературы. Уставъ новоучрежденнаго общества былъ предложенъ для утвержденія Угорскому правительству и былъ утвержденъ.

Если бы прожилъ великій архи-іерей Василій Поповичъ еще только два-три года, не подлежить сомнѣнію, что успѣханіе общества тѣмъ самымъ надолго было бы обезпечено. Зная его пламенное народолюбіе и твердый характеръ, далекій отъ того, чтобы соблазниться общаніями суетныхъ чиновъ или денежныхъ субвенцій, можно представить его дѣйствія только въ томъ видѣ, что онъ, какъ основатель и покровитель общества, во всемъ предшествовалъ бы своимъ добрымъ примѣромъ. Именно, принимая живое участіе въ дѣлахъ общества, не пропускалъ бы случая появляться на собраніяхъ; его примѣръ увлекалъ бы за собою не только духовенство, но и мірскую интеллигенцію и вообще всѣхъ вѣрниковъ, его высокая особа соединяла бы всѣхъ въ одно семейство, въ одно сердце и служила бы залогомъ свѣтлой будущности. Что это значить, къ сожалѣнію, мы въ послѣдствіи довольно освѣдомились о томъ, когда за нимъ принялъ въ руки бразды управленія тщеславный

згонить, не имѣвшей и понятія о высотѣ своего апостольскаго званія.

Въ судьбахъ Провидѣнія Божьяго было рѣшено иначе. Неожиданно слѣдовала кончина добраго Архиерея Василія Поповича 7/19 числа Октября 1864 года, какъ разъ въ то время, когда бы должна состояться организація новоучрежденнаго общества. За нимъ неодолю 18/30 числа Марта 1865 года сошелъ въ могилу и Александръ Вас. Духновичъ, крылошанинъ Пряшевскій, неутомимый труженникъ угорорусской литературы. Полагаемъ эти двѣ потери, затормозилъ имѣвшее осуществиться дѣло (такъ), что первое общее собраніе общества могло состояться только 19 Сентября (1 Октября) 1866 года, когда оно организовалось и дѣйствительно вступило въ жизнь. Въ предсѣдатели были единогласно избраны найдостойнѣйшіе труженники Угорской Руси, именно Адольфъ Ивановичъ Добрянскій и Іоаннъ Раковскій. Каково было первое одушевленіе, можно изъ того заключать, что сразу вписалось членовъ основателей 44, членовъ соревнователей 304 и число ихъ возросло что далѣе. Если посмотримъ списокъ членовъ основателей, въ немъ находимъ не только церковныхъ начальниковъ обѣихъ епархій, но и знатнѣйшихъ представителей мірской интеллигенціи русской, даже встрѣчаемъ людей другого исповѣданія. Какъ ужъ разъ было общество организовано, чаще держались комитетовыя собранія, и жизнь общества стала дѣйствительно проявляться, именно съ 1866 года стали издавать-

ся, подъ (его) фирмою, календарь подъ редакціей Анатолія Кралицкаго и Виктора Фед. Кимака. Съ 1/13 Іюля стала выходить литературная газета «Свѣтъ» подъ редакціей Юрія Юр. Игнаткова и Кирилла Антон. Сабова, и съ нею одновременно газета для учителей подъ названіемъ «Учитель» подъ редакціей Андрея Рѣпаева. Кромѣ того, отъ Іоанна Раковскаго появились въ печати слѣдующія учебныя книги: Русская грамматика на мадьярскомъ языкѣ, географія и арифметика для народныхъ школъ. Отъ Кирилла Антон. Сабова — Русская грамматика и краткій сборникъ избранныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ; отъ Виктора Фед. Кимака Универсальная исторія въ 3-хъ томахъ. Отъ Андрея Поповича — Церковный сборникъ. Отъ Александра Андр. Митрака приготовлялся къ печати Русско-мадьярскій словарь. Отъ Евгенія Андр. Фенцяка — Литургика и п.

Видимо къ дальшему успѣянію общества, не требовалось больше, какъ одно, именно, чтобы никто не мѣшалъ ему въ его мирной работѣ. Передніе работники принялись за воздѣланіе народной нивы, и ихъ примѣръ и другихъ возбуждалъ къ дѣятельности. Вскорѣ составила кружокъ изъ болѣе даровитыхъ людей, которыхъ соединяло одно убѣжденіе и одна цѣль, состоявшая*) въ томъ единодушномъ стремленіи, чтобы по силамъ своимъ каждый послужилъ въ пользу своему народу. Началась сѣятва съ во-

*) «составлявшая»

одушевасніемъ, и благонамѣренными людьми ожидалась богатая жатва. Межъ тѣмъ среди свѣтлыхъ надеждъ ужь приближалась гибельная туча, которая готовилась сдѣлать напраснымъ начатый трудъ.

ЕПИСКОПЪ СТЕФАНЪ ПАНКОВИЧЪ

Уже въ теченіи 1865 года стала носиться вѣсть, что правительство наименовало Стефана Панковича — человѣка въ епархіи почти неизвѣстнаго — Грушовскимъ архимандритомъ. То значило, что правительство на епископскій престолъ епархіи Мукачевской, съ пренебреженіемъ епархіальныхъ достойниковъ, — избрало совсѣмъ чужого человѣка, какъ большинство полагало, свободного отъ родственныхъ союзовъ, слѣдовательно независимаго. Привыкшіе къ правленію Василя Поповича, къ которому справедливо можно было примѣнить слова Тацита, сказанныя имъ о Гельвидіи Присцѣ: «*Sunctis vitae officiis aequabilis orum contemptor vecti pervicet constans adversus metus* (Hist. libr. IV, cap. V) и воображать не могли, что будущій епископъ могъ быть инымъ, какъ первѣйшимъ народолюбцемъ между первыми, защитникомъ правъ своей церкви, отцомъ и пастыремъ своей паствы, потому они смотрѣли на предстоящее епископство Стефана Панковича съ довѣріемъ и, можетъ быть, съ свѣтлыми надеждами. Обы-

книженно сердце челоѣка не свободно отъ той слабости, что оно, въ надеждѣ лучшей будущности, не оцѣняетъ по достоинству настоящее добро, видитъ только тогда свое заблужденіе, когда добро потеряно навсегда. Когда появилось въ чиновственныхъ газетахъ, что Стефанъ Панковичъ 1866 года 14 сентября наименованъ епископомъ Мукачевскимъ, духовенство сообщало вѣсть другъ другу съ анкованіемъ, много говорилось на счетъ его дарованій, учености и достоинствъ, и прибытіе его ожидалось съ нетерпѣніемъ. Но онъ не являлся. Истекло пять мѣсяцевъ въ ожиданіи и газеты снова сообщали объ избранномъ Архи-іерей, что онъ 1867 года 22 Февраля подтвержденъ, 5 Мая посвященъ, и, наконецъ,*) того-же мѣсяца 16 числа явился въ Унгваръ, и съ великимъ торжествомъ отпраздновалъ занятіе Архи-іерейскаго престола.

Кто-же былъ онъ таковъ, кого епархія ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ и насколько оправдались возложенныя на него свѣтлыя надежды? Это былъ сынъ священника, который еще въ малолѣтствѣ остался сиротой, съ трудомъ перебирался черезъ школы и, окончивши богословскій курсъ въ Унгварѣ, въ своей епархіи никогда не занималъ никакой должности, но около двадцати годовъ провелъ въ обученіи дѣтей у семействъ мадьярской аристократіи, какъ домашній воспитатель. Въ такомъ положеніи, въ

*) «въ конецъ»

какой мѣрѣ освоился*) онъ съ образомъ жизни высшихъ круговъ и съ присущими тѣмъ кругамъ воззрѣніями на жизнь, въ такой мѣрѣ онъ удалился отъ своего народа и своей церкви. Его представленіе, движенія, приемы, обычаи, бесѣда и все было таково, что онъ отлучался отъ великосвѣтскаго мірянина только данною одеждою и своимъ бритымъ образомъ. Дается предпологать, съ какимъ взоромъ могъ онъ смотрѣть на свою церковь послѣ столь долгой отъ ней отлучки, (съ) какимъ взоромъ онъ могъ смотрѣть на бѣдный народъ, становившійся ему въ полнѣ чужимъ. Полагаемъ, что у него было доброе сердце и доброе намереніе, именно, что онъ имѣлъ желаніе возвысить церковь и поднять состояніе, оставшагося въ развитіи своемъ позади другихъ, народа, но онъ желалъ привести это въ исполненіе по своей мѣрѣ и по своему образу. Вскорѣ послѣ занятія своего престола, онъ проявлялъ неприязнь къ дѣйствіямъ общества св. Василія Вел. Сколько разъ ни былъ приглашаемъ, какъ покровитель онаго, на собранія, высланные къ нему съ приглашеніемъ почтенные люди всегда находилъ двери его затворенными или былъ встрѣченъ съ обвиненіями или упреками. И такъ упрековъ возводилось имъ много.

Прежде всего не нравился ему языкъ, на которомъ писались статьи въ газетѣ «Свѣтъ»; по его мнѣнію слѣдовало бы писать на церковнославянскомъ языкѣ. Далѣе, онъ открывалъ будто

*) «усвоился»

бы общество наклонено къ схизмѣ. Оскорбляло его и то обстоятельство, что живущіе въ Уингарѣ члены общества сходнясь въ Русской Бесѣдѣ и тамъ совѣщались о своихъ дѣлахъ и читали разные часописи. Ему казалось, что тамъ занимаются политикой и опасными заговорами. Въ самомъ дѣлѣ удивительно, что человекъ, проведеншій лучшую часть жизни своей въ обученіи другихъ и занимавшійся бескомпромиссно и филологіей, могъ думать, что можно возвратиться къ мертвому языку древнихъ вѣковъ, когда развитіе живаго языка поступило далеко впередъ и славится богатой литературой; или онъ до того не былъ знакомъ съ языкомъ своей паствы и съ литературнымъ языкомъ, что не обновлялся выступить во всеуслышаніе съ подобнымъ обвиненіемъ. Полагая, что если бы общество въ самомъ дѣлѣ поступило по его желанію, онъ остался бы въ такой мѣрѣ не доволенъ потому, что его оскорбляли самыя кириллическія буквы, какъ онъ это проявлялъ въ послѣдствіи, когда выражался передъ своими партизанами о замѣненіи кириллическихъ буквъ латинскими. Что относится къ обвиненію общества о наклонности къ схизмѣ, такое подозрѣніе могло родиться только въ воображеніи искателей его ласкъ, которые не гнушались и низкаго способа наушничества, чтобы прислужиться передъ нимъ въ надеждѣ нѣкоторой награды. На дальѣ ему пріятно было выслушивать такіе живые доносы потому, что онъ пропитанъ насквозь латинизмомъ, не менѣе замышлялъ въ сердцѣ своемъ,

какъ олатинизовать церковный обрядъ, передъ своими придворными откровенно говорилъ о дикости и скучности восточнаго обряда, о непосильномъ бремени постовъ, и проч. Насупротивъ, превозносила превосходство латинской церкви, въ страстную недѣлю отправляясь въ латинскую мѣстную церковь и любилъ пощеголять пѣньемъ lamentaцій. А надо всѣми его стремленіями выдавалось его пламенное желаніе, состоящее въ соединеніи календарей, въ этомъ отношеніи и удалось ему возбудить въ цѣлой епархіи броженіе, подвигаемое и подпираемое иновѣрцами преимущественно. Если бы ему суждено дальше жить, безсомнѣнно дѣло не обошлось бы безъ волненій и преслѣдованій. Онъ былъ причиною всеобщаго соблазна и нарушителемъ царствовавшаго дотошъ мира, всетаки слѣдствія своей вины сваливалъ на неповинныхъ въ ни чемъ. Оскорбляло его существованіе Русской Бесѣды потому, будто бы тамъ занимались противузаконной политикой, но по доносамъ своихъ приверженцевъ ему стало извѣстнымъ, что тамъ явно порицаются его поступки. Впрочемъ, Русскую Бесѣду посѣщали не только мѣстные передовые и жившіе на провинціи члены общества, но безъ разлчія народности и вѣроисповѣданія мѣстная знать образованнаго сословія, чиновники, адвокаты, профессора, и проч. Безсомнѣнно, онъ въ своемъ заблужденіи преувѣщался тѣмъ, что онъ исполняетъ высокую миссію, межъ тѣмъ нападенія его услаивались, и вызвали самозащиту, вслѣдствіи которой онъ,

вмѣсто успѣха, встрѣчалахъ неодолимая затрудненія. Среди безполезности своего подвига прилагалахъ усилія привлечь на свою сторону побольше людей тѣмъ, что устраивалахъ много пышныхъ пиршествъ, завелахъ каноническія посвѣщенія, соключенныя съ торжественными шествіями и подобныя пустыя суеты, но все то въ его стремленіяхъ не приносило никакой существенной пользы, и не могло успокоить его сердце потому, что, несмотря на его велерѣчивыя разглаголованія, люди нисколько не одушевлялись, оставались недвижными по прежнему, а общество св. Вас. продолжало идти своимъ путемъ; и когда узнавалъ онъ о намѣреніи приобретенія для создаемаго Народнаго дома, на который посыпались со всѣхъ сторонъ значительныя пожертвованія, то разъяренность его не имѣла предѣловъ.

Что было пружиною такихъ его дѣйствій? Считалъ-ли онъ свое произведеніе на Архидіецейскій престолъ дѣломъ Провидѣнія Божьяго, назначившаго ему такую миссію или она была ему для выполненія просто предписанна тогдашнимъ правительствомъ? На эти вопросы громко отвѣчаютъ тѣ отячія, которыя на него посыпались свыше въ награду его заслугъ, именно, онъ въ краткія промежутки (былъ) именованъ рыцаремъ ордена св. Стефана, дѣйствительнымъ тайнымъ Совѣтникомъ Его Кор. Величества и украшенъ великимъ крестомъ ордена желтой короны. Сверхъ того, по его просьбѣ подаренъ казенный домъ, стоимостью около 30.000 гульденовъ для воспитанца священни-

ческих сиротъ дѣвушекъ, члены капитула надѣлены наперсными крестами и увеличено ихъ жалованіе. Такъ-же и архидіаконъ получал прибавку ежегоднаго жалованія 200 гульденовъ. Учреждены два викаріатства, именно Гайду-Дорогскій съ ежегоднымъ жалованіемъ 3000 гульденовъ и Сиготскій съ ежегоднымъ жалованіемъ 2000 гульденовъ. О прочихъ денежныхъ пособияхъ, полученныхъ епископомъ для собственныхъ угодъ, не имѣемъ и приблизительнаго соображенія, знаемъ только, что ему отпускались значительныя суммы, и онъ всегда представлялся гордо пышно, какъ человѣкъ, руки котораго обладаютъ волшебною силою добывать деньги*) изъ неистощимаго источника.

Люди, увлекавшіеся успѣхами богатыхъ пріобрѣтеній, считали епископа избранникомъ Провидѣнія Божьяго, посланнаго для осчастливленія епархіи Мукачевской. Должно признать, его пріобрѣтенія, въ сравненіи съ прежними скудальствіями, были значительны, и можно было надѣяться, что по его обѣщаніямъ улучшится бытъ и простаго духовенства. Правда, что дотеперешнія его пріобрѣтенія были значительны, но львиная часть оныхъ досталась ему самому, какъ и посыпавшіеся на него станчія, которыми ослабленные льстецы не преставали вѣдичаться, что, вотъ, въ лицѣ славнаго епископа станчасма и прославляема грекокатолическая церковь и угро-русскій народъ! Одна часть людей ослаблен-

*) «денегъ»

ныхъ, по своему простодушію, не догадывался о томъ, что щедроты льются не даромъ, другая часть, съ такимъ же продажнымъ характеромъ, какъ и самъ начальникъ, хорошо понимала суть дѣла, но не перенятая насквозь эгоизмомъ, немного торопилась съ тѣмъ вопросомъ,*) что цѣною пріобрѣтеній ведется продажа народа и церкви.

Ужели можно возводить такое обвиненіе противъ провинціального епископа? Онъ, во первыхъ, полагаясь на могущество своего авторитета, считалъ переведеніе дѣла возможнымъ, во вторыхъ, предполагая, что въ бѣдственномъ положеніи народа и его предводителей-душпастврей имѣеть предъ собою удобную почву для выполненія своей миссіи, считалъ ее не только возможною, но и легко исполнимою. Потому онъ никогда не скрывалъ своихъ намѣреній, при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ смело и откровенно о достигненіи своихъ цѣлей. Въ чемъ же заключались онѣ? Вотъ въ чемъ: замѣненіе кирриланческихъ буквъ латинскими, замѣненіе Юліанскаго календаря Грегорианскимъ, сокращеніе церковнаго обряда, увольненіе отъ постовъ — это какъ первый предуготовительный цѣль, а тамъ, да еще что имѣло слѣдовать, — разумѣется само собою. Именно довести народъ къ самоубійству.

Произошелъ въ духовенствѣ раздоръ. Сто-
 ренника епископа, посѣявшаго сѣмена раздора,

*) «о томъ вопросѣ»

встрѣчалъ отъ него покровительство и отащія, а сотрудники народнаго дѣла были придавляемы; особенно передовые дѣятели общества св. Василія, и само общество, становилось въ его глазахъ большимъ осколкомъ, супротивъ нихъ изо дня въ день съ возрастающимъ остервененіемъ изліялъ свою неприязнь, и въ порывѣ своего неразумнаго усердія, пустнлъ онъ въ ходъ всякія несправедливыя придирки и гонительства. Вотъ Общество стояло на законномъ основаніи, ни чѣмъ не нарушало царствовавшего дотола мира, желало быть полезнымъ въ дѣлѣ образованія народа и водворенія благочестія среди него, значить, трудилось, чтобы изъ своихъ однокровныхъ братьевъ воспитать добрыхъ гражданъ отечеству, любило родной языкъ, любило правдѣдную вѣру. Или грѣхъ-ли любить свой материнскій языкъ и свою правдѣдную вѣру? Въдь эти два вопроса изждутся на естественномъ правѣ человѣка; кто покушается суровымъ насиліемъ или обманною хитростью разить оное, покушается нападать на жизнь, и, если ему дѣло удастся, совершать большое убійство, чѣмъ убійство тѣла. Естественно дерзкій вызовъ и ничѣмъ неоправданная напасти епископа будили сознательныхъ людей къ охранѣ своей жизни. Всякій любящій справедливость человѣкъ, долженъ признать,*^{*)} что преслѣдуемое существо въ первое время вело себя съ достоинствомъ и съ подобающимъ уваженіемъ къ сану епископа; оно

^{)} «быть признателенъ»

ограничилось самоващиною, учтивымъ опроверженіемъ возводимыхъ на него обвиненій. Но епископъ, оскорбляясь тѣмъ самымъ обстоятельствомъ, что его дерзкіе замыслы не встрѣчаютъ сочувствія, и [видя] будто бы тупоумные задорники, побуждаемые неодолимою склонностію къ злобному сопротивленію, осмѣляются поднимать свои головы и преграждать ему путь къ осуществленію его великихъ плановъ, (потому онъ) — вмѣсто благоразумія, еще болѣе усилилъ горнительство и придирки. Такимъ образомъ, принуждалъ самоващитниковъ къ борьбѣ. Долженъ-же по неволѣ охранять жизнь свою человѣкъ, если его стануть давить за гортань. Такъ по неволѣ долженъ былъ принять борьбу Викторъ Фед. Кимакъ, редакторъ издаваемой обществомъ газеты «Свѣтъ». И онъ устоялъ на своемъ мѣстѣ неустрасливо и непоколебимо.

Полагавшійся на всемогущество своего вліянія, епископъ ошибся въ своихъ расчетахъ; онъ, вмѣсто оттѣсненія побѣды, очутился въ такомъ неловкомъ состояніи, что «Свѣтъ» сталъ относиться къ нему наступательно. Онъ, видя усиленіе вызваннаго противъ себя раздраженія, задумалъ уничтожить «Свѣтъ» такимъ образомъ, что побудилъ своихъ партизановъ, изъ членовъ общества, замѣнить редактора другимъ, надежнымъ человѣкомъ. По предварительномъ соглашеніи епископскихъ приверженцевъ, на ближайшемъ же комитетовомъ собраніи, Николай Ю. Гомичокъ, — тогдашній любимецъ епископа. — выступилъ въ этомъ дѣлѣ съ прежде условлен-

нынѣ проэктомъ, мотивированнымъ слѣдующими доводами: «Имѣя предъ очами общее благо общества св. Василія Великаго, смотря, далѣе, [на] прошедшее отъ извѣстнаго времени не согласіе и раздвоеніе членовъ общества, желая искренне прежняго согласія, по которому основано общество, на издвигеніи котораго издастся газета «Свѣтъ», которой настоящій редакторъ (в)пускается въ разные личные споры, могущіе легко повредить и осуществленію самого общества, приступаетъ онъ (Николай Гомичковъ) къ комитету со внесеніемъ, по которому нынѣшній редакторъ «Свѣта» да воззовется на отступленіе отъ редакторства «Свѣта», издаваемого обществомъ св. Василія Великаго.» Внесеніе Николая Гомичкова подвержено голосованію, и изъ присутствующихъ 28 членовъ голосовало за увольненіе отъ редакторства Викт. Ф. Кимака 21, противъ увольненія — 6, не пользовался правомъ голосованія 1 членъ комитета. Такимъ образомъ, В. Ф. Кимакъ уволенъ комитетомъ отъ редакторства, и вмѣсто него избранъ Викторъ А. Гебей, который сталъ издавать органъ общества подъ названіемъ «Новый Свѣтъ» съ 1871 г. 9 Февраля (28 января). Новый редакторъ въ заглавной статьѣ 1-го №-а яснѣе излагаетъ причину, вслѣдствіи которой онъ замѣнилъ въ редакторствѣ Викт. Ф. Кимака. Именно, что прежній редакторъ «Свѣта» сталъ остро выступать противъ церковной власти, которая для Русскаго народа есть преимущественнымъ двигателемъ его блага и будущаго благополучія; далѣе, что «Свѣтъ» произ-

весь негодование, неодобрение да противление церковного правительства Мукачевской епархии, дасть поводъ къ тому, что это правительство должно было напомнить канрь епархии, чтобы, взирая на опасное стремление «Свѣта» въ религіозно-моральномъ и гражданскомъ отношеніи, прекратилъ съ нимъ свои сношенія, и оттягъ отъ него все чиновственное и приватное подписание и т. подобн.

Органъ епископа «Новый Свѣтъ» сталъ появляться урочно, и въ немъ новый редакторъ сталъ писать умиротворительно, [но] востанки не могъ возстановить потерянное навсегда довѣріе. Его считали всѣ профессиональнымъ птицеловцемъ, играющимъ на приманной дудкѣ лестныя мелодіи, чтобы привлекаемыя птицы уловить въ разставленныхъ сѣтяхъ. Онъ продолжалъ пѣть свои пѣсни по епископскому камертону, а самъ епископъ дѣйствовалъ по прежнему, не переставая очернивать своихъ правдивыхъ или воображаемыхъ противниковъ, и вообще весь народъ передъ правительствомъ. А встревоженные разъ птицы вели себя бережливо, держались далеко отъ разставленныхъ сѣтей, съ потѣхою присматриваясь на напрасный трудъ пѣвцовъ и прислушиваясь голосамъ притворнаго благожелательства. Межь тѣмъ и отстраненный коварствомъ отъ дѣятельности Викторъ Ф. Кнмакъ, Профессоръ Унгарской гимназіи, былъ изъ числа не легко уловимыхъ птицъ; онъ, видя насколько придалась епископской заразѣ особенно придворная часть духовенства, сразу какъ изъ об-

Лавковъ явился неожиданной грозой. Именно 20-го Юня (2 Юлія) 1871 года появилось 1 число его сатирической иллюстрированной газеты «Сова», въ которой безъ пощады подвергался бичеванію епископъ и его единомышленники. Правда, эта газета прекратилась съ 5-ымъ №-ромъ, но этихъ 5 №-ровъ было довольно, чтобы въ епархіи сдѣлать преграду вреднымъ затѣямъ епископа. Больше онъ, не имѣя надежды на выполнение излюбленныхъ своихъ замысловъ, принялся удовлетворить свое сердце отомщеніемъ. Первый порывъ его мести явился на профессоровъ, зависѣвшихъ отъ воли правительства. Какъ онъ поступалъ въ этомъ дѣлѣ, каковы были его стремленія въ созванномъ краевомъ конгрессѣ въ вопросахъ каволической церковной автономіи? Посланку эти вопросы не имѣютъ прямого соотношенія съ моею автобіографіей, [отсылаю] п. читателя къ особой статьѣ: Управление Стефана Панковича епископа Мукачевскаго въ-омъ томѣ моихъ «Сочиненій» Лист....

МОЕ ВЫСТУПЛЕНІЕ НА ЛИТЕРАТУРНОМЪ ПОПРИЩѢ

Что относится къ моей жизни, она протекала мирно, какъ по прежнему, такимъ же образомъ, какъ у насъ обывкала протекать вообще [жизнь] молодыхъ священниковъ, прилагающихъ усиліе, чтобы въ хозяйствѣ стать на свои ноги. Межь тѣмъ и постройка церкви подвигалась впередъ.

вѣрнки еще болѣе прилежали, чтобы стѣны чѣмъ скорѣе подвести подъ кровъ. Среди этихъ занятій у меня все-таки оставалось довольно досуга, чтобы заниматься чтеніемъ, преимущественно русскихъ книгъ. Имѣлъ-ли я въ то время ввиду, что когда нибудь стану заниматься литературными произведеніями? Положительно нѣтъ. Поэтическое настроеніе, когда я только что оставилъ за собою школьные скамьи подъ гнетомъ житейскихъ заботъ, давно миновало. Прежнее мое пристрастіе къ мадьярской литературѣ, казалось мнѣ юношескимъ увлеченіемъ, не имѣвшимъ корней въ глубинѣ души. Видимо, иначе отзывается сама природа юноши на настроеніи его духа, иначе — человѣка, принужденнаго къ занятію житейскимъ трудомъ. Я читалъ и продолжалъ учиться даже только потому, что нуждался въ духовной пищѣ, а знаніе само собою доставляло мнѣ наслажденіе. Можетъ быть, мелькнуло нѣкогда въ*) умѣ, что когда то напишу два три тома церковныхъ проповѣдей и больше ничего. Для иныхъ произведеній, входящихъ въ составъ литературы, не предвидѣлось ни поприще, ни возможности. Неожиданно, почти одновременно съ занятіемъ епископскаго престола Стефаномъ Панковичемъ, общество св. Вас. В. проявило жизнь свою изданіемъ газеты «Свѣтъ», вызвавшей къ дѣлу кружокъ работниковъ, къ которому принадлежалъ и я. Русская интеллигенція, сосланная дотоль на чтеніе мадьяр-

*) «на»

скихъ часописей, въ самомъ дѣлѣ нуждалась въ собственномъ органѣ, въ которомъ могла бы она сосредоточиться и дать выраженіе своимъ жизненнымъ интересамъ. А теперь, какъ Стефанъ Панковичъ сталъ беспощадно прикасаться къ болѣзненнымъ струнамъ сердца, появленіе собственнаго органа какъ-разъ становилось необходимо нужнымъ. Я сталъ принимать участіе въ появившемся «Свѣтѣ», равно какъ и въ прочихъ издававшихся въ послѣдствіи газетахъ. Непріязненные поступки епископа отозвались по всей епархіи негодованіемъ, и на его счетъ воздухъ былъ насыщенъ ѣдкими сарказмами. Обоюдныя столкновенія дали мнѣ толчокъ, что я подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ рѣшился написать мою «Крайцарову комедію», которая, съ одной стороны, принята съ восторгомъ, а, съ другой стороны, была встрѣчена съ безпредѣльною яростью, потому особенно, что въ ней, хоть сцены были общезвѣстны и ясны до прозрачности, но не было ничего такого, къ чему можно бы придраться и начать искъ на основаніи прессальнаго права. Я не сомнѣвался, что потерялъ навсегда милость епископа и нажилъ себѣ враговъ между его приверженцами, которые считали себя дотоль неуязвимыми подъ защитой своего могущественнаго покровителя, полагая, что они безнаказанно могутъ дѣлать что имъ угодно; но святость защищаемаго мною дѣла была столь высока, что я много не тревожился возбужденною мною раздраженностью противниковъ, не имѣвшихъ способа удовлетворить свою месть и

терившихся понапрасну въ безсиліи своемъ. Неодолга, какъ поднять былъ вопросъ о замѣненіи (Юліанскаго календаря Григоріанскимъ, въ самомъ разгарѣ спора, написала я «Однодневное царство», но оно не пользовалось такимъ распространеніемъ, какъ «Крайцарова комедія», потому, что оно появилось въ львовскомъ «Словѣ», а эта газета не была распространена по эту сторону Карпатъ. Дошло-ли «Однодневное царство» въ руки епископа и его приверженцевъ, неизвѣстно, но, судя по той падкости, съ какою быстротою всякая новость доносилась епископу услужливыми его приверженцами, болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ прочиталъ ее.

Изъ Унгвара разнеслась вѣсть, что разъяренный епископъ имѣеть намѣреніе очистить епархію отъ неспокойныхъ элементовъ, значить, провинившихся въ народолобіи священниковъ; если супротивъ нихъ окажется возможнымъ воздвигнуть хоть и неважное обвиненіе, лишитъ ихъ прихода, а прочихъ такою-же угрозою отстрашить отъ охоты сопротивляться его волѣ. Разносилось, что онъ прежде всего напалъ на несправедливаго противника его новшествъ, Виктора Фед. Кимака. Этотъ ревнитель народнаго дѣла, окончивши богословскія науки, поступилъ на профессорское поприще, но считался почетникомъ, передъ которымъ открыто стояло и священническое званіе. Стефанъ Панковичъ началъ дѣло съ того, что объявлялъ его непринадлежащимъ къ церковному причту. Я не сомнѣвался, что прійдетъ очередь и на меня, что дѣло не

обойдется безъ мести, только не могу знать, въ какомъ видѣ проявится она? Я ждалъ и, въ сознаниіи своего правого дѣла, былъ спокоенъ, но почему-то я не получала, покаместъ, никакихъ распоряженій. Больше смущало меня въ домашнемъ бытѣ, что отецъ мой тяжело захворалъ, изо дня въ день больше ослабѣвалъ, мы видѣли его неотвратимую кончину, которая и послѣдовала 1 Января 1871 года. Мать моя, въ слѣдствіи постигшаго ее горя, также заболѣла и легла въ постель. Едва была окончена похороны моего отца, какъ-разъ вѣру вручено было мнѣ чиновственное письмо путемъ благочиннаго, слѣдующаго содержанія:

«№ 4300. Превосвѣтлѣйшій Господине вмѣстопарахохѣ, брате во Христѣ всепочтенный. Изъ его высокопревосвѣтительства Владыки расположенія, вызываю Васъ: да по возможности еще предъ праздникомъ Рождества І. Христова, т. е. до 4 Января 1871, неотмѣнно-же на 9 Января день, предъ его Преосвященствомъ лично явиться должностію считаетъ себя. И дотола здавствуйте, Унгварь 29 Декабря 1870. Братъ во Христѣ: Михаилъ Стрипскій вр. письмоводитель консисторіи».

Утромъ слѣдующаго дня 4 января, я, не медля, отправился въ путь и на дилжансѣ прибылъ въ Унгварь около полночи. Хотя я былъ крайне утружденъ, не настолько отъ пути, какъ отъ только-что постигшаго меня душевнаго потрясенія, и послѣ проведенія, сряду, бодрствованія нѣсколькихъ ночей, меня, какъ-то не брала

сонъ, и мы просидѣли съ Викторомъ А. Гебемъ, тогдашнимъ духовнымъ управителемъ семинаріи, разговаривая до бѣлаго дня. Деятаго часа я отправился въ епископскую резиденцію, и просилъ придворныхъ чиновниковъ доложить Владыкѣ о моемъ прибытіи. Но они явно по предварительному слову, отрекались по разнымъ причинамъ отъ такой, по ихъ выраженію, непріятной комиссіи. Секретарь Іоаннъ Даниловичъ сказалъ: Братецъ я не рискую утратить про тебя благосклонность Его Преосвященства. Письмоводитель, путемъ котораго я приглашенъ адъ аудіендумъ вербумъ, Михаилъ Стрипскій, отрекался тѣмъ, что онъ гдѣ-то забросилъ свой нашейникъ (колларе) и безъ него нельзя явиться предъ Его Преосвященствомъ. — Глупыя причины! — возразилъ я, — вы уклоненіемъ отъ вашей должности унижаете не меня, а вашего начальника. А, впрочемъ, я такой-же священникъ какъ и вы, если вамъ не угодно доложить о моемъ появленіи Его Преосвященству, то я и не нуждаюсь въ вашей услугѣ и сдѣлаю докладъ самъ о себѣ.

Съ тѣмъ я и отправился къ двери съ намѣреніемъ безъ всякаго доклада прямо войти къ Владыкѣ. Господинъ письменоводитель, видя мою рѣшимость, остановилъ меня и вскорѣ отыскавшій свой, будто потерянный нашейникъ, послѣдовалъ съ докладомъ въ пріемную епископа и тотъ часъ возвратился съ приглашеніемъ.

МОЙ РАЗГОВОРЪ СЪ ВЛАДЫКОЮ

Едва успѣлъ я дойти къ порогу пріемной Владыки, онъ уже стоялъ предо мною и въ возбужденномъ состояніи встрѣтилъ меня съ вопросомъ:

— Вы писали «Крайцаровую комедію»?

— Я писалъ Ваше Преосвященство, — отвѣчалъ я спокойно. — Но я думаю, что мое приглашеніе не стоитъ въ никакой связи съ «Крейцаровой комедіей». Ваше Преосвященство изволила меня пригласить, какъ одного изъ подвѣдомственныхъ своихъ священниковъ, а не какъ писателя «Крайцаровой комедіи», потому что въ нашемъ государствѣ въ подобныхъ дѣлахъ существуетъ пресловутый законъ, въ область котораго принадлежитъ разборъ пресловутыхъ вопросовъ.

Онъ не ждалъ такого отвѣта и, видимо, былъ сконфузенъ.

— Такъ? . . . — спросилъ онъ съ изумленіемъ. — Но что же побудило Васъ къ написанію «Крайцаровой комедіи»?

— Защита церкви и народности, — про которыя каждый правдивый сынъ церкви и народа ни на одну минуту не задумается подвергнуться не одной смерти, но, если бы у него было сто жизней, всѣхъ сто долженъ бы пожертвовать.

— О! вы неисправимый, ослабительный фанатикъ!

— Выше всего дорожу признательностью Вашего Преосвященства. Я считаю высокою

честью называться въ этомъ отношеніи фанатикомъ.

— Что вы понимаете подъ словомъ «церковь»? — воскликнулъ онъ и, не дожидаясь моего отвѣта, самъ поспѣшилъ рѣшить поставленный вопросъ, говоря: — Вѣдь мы униты стоимъ подъ главенствомъ Его Святѣйшества Римскаго Папы, если мы вѣрные сыны св. матери церкви, то мы должны стремиться къ тому, чтобы наше соединеніе выражалось не только въ догматахъ и во внѣшнихъ обрядахъ и чтобы оно въ концѣ привело къ полному сантію. Это значитъ поступить искренно и благородно. А, впрочемъ, не я-ли состою вашимъ вождемъ, поставленнымъ благодатію Духа Святаго и милостію Его Величества Короля, чтобы пасти повѣренное мнѣ духовное стадо и управлять имъ? Вы должны слѣдовать во всемъ моему примѣру, а надо всѣмъ одолажаетесь мнѣ безусловнымъ повиновеніемъ! При исполненіи этихъ условій вы дойдете и къ душевному спасенію и къ матеріальному благополучію.

Дальше сталъ онъ пространно излагать преимуществва господствующей латинской церкви надъ поработенною восточною, блескъ, богатство, благополучіе. Поставилъ на видъ, что и наименшее отклоненіе отъ этой церкви, хоть бы только въ обрядахъ и обычаяхъ, есть ересь, и схизма и богопротивная борьба супротивъ провидѣнія Божіаго, направляющаго все человѣчество къ одной цѣли, которая кульминуется въ изреченіи Спасителя: «Будеть едино стадо и

единъ пастырѣ». Когда онъ вполнѣ удовлетворилъ свой духъ исчерпаніемъ религіозныхъ вопросовъ, перешелъ на любовь къ отечеству и на повиновеніе гражданской власти. Въ этомъ отношеніи своему опортунизму не обинивался дать выраженіе такими словами: Если мы живемъ теперь подъ властію Мадыаръ, то мы должны становиться Мадыарами; если стануть господствовать Нѣмцы, то будемъ Нѣмцами; если возьметъ перевѣсъ Москаль, что впрочемъ вполнѣ немыслимо и невозможно, то будемъ повиноваться повелѣніямъ Москаля.

— А что дѣлаетъ наше общество Св. Василія? Каково его направленіе? Какими уваскается идеями? Оно выѣшивается въ политику, распространяетъ московщину, и подстрекаетъ къ шизмѣ!

И тутъ пустился въ подробности о «Свѣтѣ», о «Русской бесѣдѣ», о собраніи денегъ на основаніе народнаго дома, и проч.

Всѣ обвиненія, которыя онъ возводилъ супротивъ общества, были направлены лично супротивъ меня. Меня чрезмѣрно удивляло, что онъ особенный вѣсь полагалъ на выѣшивание въ политику. Поистинѣ общество всегда стояло въ предѣлахъ закона 1868 года о равноправности народностей, а что относится ко мнѣ, въ своемъ сельскомъ уединеніи только по необходимости сообщался съ міромъ, болѣе вель жизнь отшельника, чѣмъ являлся въ обществѣ, я столько и зналъ о политикѣ, сколько вычиталъ изъ газетъ, даже разговоръ о политикѣ былъ мнѣ про-

тивень. Въ послѣдствіи я освѣдомнася, изъ какаго источника исходилъ упрекъ епископа, обвинявшаго меня въ вмѣшиваніи въ политику? Имѣю мой благочинный Василій Марусяничъ, составляя информацию о нравственномъ поведеніи священниковъ своего округа, въ соответственную рубрику, вѣроятно по той причинѣ, что ему другого слова не приходило вскорѣ на мысль, да онъ написалъ: *in politicis exorbitans*.

Обвиненіе было до того несправедливо, что я не могъ воздержаться отъ возраженія.

Къ тому, Ваше Преосвященство, — сказала я — чтобы вмѣшиваться въ политику, нужно быть самобытнымъ народомъ, а мы кто? Полмилліонная горсть народа, который равняется камешкамъ на днѣ русла рѣки, увлекаемымъ наводніемъ! Какое тутъ имѣеть значеніе вмѣшиваніе въ политику? А если кто нибудь и вмѣшивается въ политику, пользуется только представленнымъ въ нашей конституціонной державѣ законами правомъ, котораго не лишеть ни одинъ гражданинъ, хотя бы онъ принадлежалъ и къ русской народности...

Полагаю, что Владыка мое прежнее данное молчаніе истолковалъ въ знакъ согласія съ его возрѣніемъ. Слыша мое возраженіе, убѣдился, что онъ понапрасну распространялся въ цѣли моего убѣжденія. Досадуя на свою неудачу, распламеннася и гнѣвно спросилъ:

— Ужели?... Да вы собственно къ какой народности причисляете себя?

— Да къ какой-же? Я причисляю себя къ русской.

— Удивляюсь, что вы, нося мадьярское имя Szilvaу, находитесь въ такомъ крайнемъ фанатическомъ заблужденіи!

— Извините, Ваше Преосвященство, когда я осмѣляюсь дать выраженіе моему еще большому удивленію, что Ваше Преосвященство, имѣя русское имя «Панковичъ», съ такою непріязнью относитесь къ этому бѣдному народу...

Я сказалъ слишкомъ много, чтобы епископъ, по вспыльчивости своей натуры, былъ въ состояніи сохранить самообладаніе. Я не успѣлъ до сказать словъ, какъ взоръ его заблесталъ пламенемъ гнѣва, видимо онъ желалъ сказать мнѣ что-то ужасное и уязвительное, но, не находя удобной мысли, ни слова, — воздержался; межъ тѣмъ, весь взволнованъ, сталъ ходить по комнатѣ впередъ и назадъ, приступалъ къ своему письменному столу, расбросалъ бумаги, посмотрѣлъ черезъ окно, и снова сталъ ходить по комнатѣ.

Настало молчаніе.

Онъ, продолжая ходить впередъ и назадъ, сразу приостановился передо мною, измѣрилъ меня взоромъ съ головы до ногъ, я выдержалъ грозу его взора съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, онъ хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ничего, снова отошелъ даале. Это повторялось два или три раза. Въ послѣдній разъ подошелъ ко мнѣ столь близко, что голова его почти прика-

салась къ головѣ моей, и, не отводя отъ меня взора, задрожавшимъ голосомъ спросила:

— Что думаешь, братецъ, я съ такими людьми, какъ ты, могу поступить на скорую руку? Если ты не образумишься, лишу тебя прихода и средствъ къ существованію.

— Если будетъ къ такой мѣрѣ причина, — сказалъ я съ поклономъ. — Я не мало не подвергаю сомнѣнію власть Вашего Преосвященства, что можете пользоваться такою мѣрою и безъ всякой причины, но будетъ-ли таковая мѣра согласна со справедливостью, достойной*) одного Управителя церкви, это иной вопросъ. Впрочемъ, я до сихъ поръ жилъ не по милости церковнаго правительства, но по милости моего покойнаго отца и трудомъ рукъ своихъ, слѣдовательно, не стою на ряду съ избалованными счастливыми сего міра, плавающими въ изобиліи житейскихъ благъ. Напротивъ, я привыкъ къ недостаткамъ и къ борьбѣ за существованіе, потому я, и въ случаѣ отрѣшенія отъ священства, постараюсь (в)знатьи способъ для скромнаго прожитія.

Онъ, стоя предо мною со скрещенными на груди руками, выслушалъ рѣчь мою, въ концѣ, будто съ состраданіемъ, покачалъ головою и задумался. Мнѣ казалось, что прежніе грозныя черты лица его немного смягчились.

— Далеко отстою я отъ того, сынъ мой, — сказалъ онъ — чтобы я злоупотреблялъ свою

*) «достойнаго»

власть супротивъ справедливости. Я желаю сдѣлать счастливою мою епархію, но жаль, вы не понимаете меня и упорно сопротивляетесь мнѣ.

Съ тѣмъ взявъ онъ меня за руку, подвель къ окну, и, показуя перстомъ куда то на городъ, торопливо спросилъ:

— Видишь тамъ?

Я не могъ догадаться, что показуешь онъ мнѣ.

— Видишь? — спросилъ онъ снова.

— Ничего не понимаю, Ваше Преосвященство.

— Какъ ничего не понимаешь? Тамъ ваша славная Русская Бесѣда, гдѣ бывають наши сходки, гдѣ происходятъ совѣщанія, заговоры противъ церковнаго начальства, пропитанныя духомъ не патриотическимъ, полантика, тамъ читаются опасныя для церкви книги и газеты, поются возмутительныя уаэтра-національныя пѣсни, проводится время въ зазорныхъ вечерникахъ...

— Я знаю только, Ваше Преосвященство, что Русская Бесѣда служитъ сборнымъ мѣстомъ Унгарской интеллигенціи, безъ разанчія народности и вѣроисповѣданія. Что происходитъ тамъ? То лучше могутъ знать придворные чиновники Вашего Преосвященства, потому что и они посѣщаютъ Русскую Бесѣду. А что относится ко мнѣ, я изъ своего сельскаго уединенія выхожу только по необходимости, политикой никогда не занимаюсь, не люблю даже слушать разговоръ другихъ людей о ней, а Унгарь я отъ пяти лѣтъ

первый раз посѣтила теперь по приглашенію Вашего Преосвященства. Не сообщаясь со вѣшнимъ міромъ, досужное отъ полевыхъ [работъ] и занятій время посвящаю чтенію и живу почти отшельникомъ.

— Значить: не нуждаешься въ мірѣ, презираешь міръ? Давно прошло то время, когда отъ священниковъ требовалась уединенная жизнь! Насупротивъ, духъ нынѣшняго времени требуетъ отъ священника, чтобы онъ сообщался съ міромъ, и, являясь среди общества, пользовался своимъ нравственнымъ вліяніемъ для того, чего не удалось ему достигнуть въ церкви, чтобы восполнилъ въ жизни. Потому въ священникѣ не предосудительно то, что если онъ общается съ міромъ и преимущественно со вліятельными его элементами, но предосудительно то, если онъ стоитъ въ союзѣ съ подонками общества.

Безсомнѣнно онъ подъ «подонками общества» подразумѣвалъ людей, ставшихъ на защиту жизненныхъ вопросовъ своего народа; и то было ужаснымъ преступленіемъ, что я стою съ ними въ союзѣ. Но, зная, что защита оскорбляемыхъ имъ людей была бы напрасна, а его самого привела бы въ новое раздраженіе, я счелъ благоразумнѣе молчать на его понужанія.

Онъ навязывалъ меня отвѣчать, и я не отвѣчала.

— Миѣ жаль васъ — продолжалъ онъ послѣ одного промежутка, — извѣстно, жаль васъ, находящихся въ заблужденіи! Слѣдовало бы намъ прилагать усиліе къ осчастливленію вашего на-

рода, а вы, навлекая на себя негодование правительства, вмѣсто пользы, причиняете народу неисправимый вредъ. Становитесь на враждебную ногу съ царствующимъ начальствомъ не (есть) подчиненныхъ благополучіе.

То обстоятельство, что Владыка обращался ко мнѣ, говоря въ множественномъ числѣ, давало поводъ къ тому заключенію, что онъ говорилъ не мнѣ одному, но всѣмъ, кои не соглашались съ его замыслами. Видно онъ чрезъ меня желалъ дать урокъ всѣмъ. Межъ тѣмъ я видѣлъ что буря его гнѣва миновала, и онъ сталъ говорить наставительнымъ и убѣдительнымъ голосомъ, словно желая заблудшихъ направить на оставленный ими правый путь. Ахъ, думалъ я про себя, въ томъ и заключается главизна вопроса: кто идетъ правымъ путемъ, а кто оставляетъ его, кто желаетъ благополучія своему народу, а кто покушается нанести ему неисправимый вредъ? Вотъ, проведшій лучшую часть жизни своей въ чужой, извѣстно непріятной духовному званію атмосферѣ, человекъ приходитъ въ чужую ему область и навязываетъ на насъ съ своими завоевательными замыслами, новыми и неожиданными въ епархіи, чтобы пересоздать насъ по своему образу. Онъ, желая надо всѣмъ посредствомъ народа возвысить себя, говоритъ, что желаетъ ошастлявить народъ; но, воздвигши идола своего эгоизма, предъ нимъ не видитъ въ какомъ онъ самъ находится заблужденіи! Во всѣхъ его поступкахъ ставился на видъ [фактъ], что съ его возвышеніемъ — возвышаемъ бываетъ

русскій народъ. Такими симфоніями наслаждали его слухъ льстецы, которые въ надеждѣ богатыхъ милостей и незаслуженныхъ отанчій старались угождать ему услужливыми своими рабскими языками при всякомъ удобномъ случаѣ, а такихъ случаевъ представлялось много по заведеніямъ у него частнымъ пиршествамъ.

Вслѣдствіе такихъ похвалений онъ подпалъ обыкновенной слабости, что и самъ сталъ себя считать феноменальнымъ явленіемъ. Такъ онъ, становясь въ положеніе царственного льва, находящагося между котами, и желая пользоваться соответнымъ его величію авторитетомъ; а счастливые коты подъ его тѣнью гордились тѣмъ, что со львомъ состоятъ въ племенномъ родствѣ, отъ котораго и они становились выше ростомъ. Но если голова Владыки достигала хоть до облаковъ и если бы его грудь была украшена не орденами только, но звѣздами тверди небесной, становилась бы судьба бѣднаго народа счастливѣе отъ его отанчій? А цѣна? Подъ условіемъ матеріальныхъ наградъ, изъ которыхъ чернь народа, извѣстно, не могла надѣяться ничего [получить], требовалось, чтобы тотъ-же народъ отрекся [отъ] прадѣднаго своего достоинства, отрекся [отъ] самого себя, и самоубійственно поднялъ на себя руку. Положимъ, что изъ матеріальныхъ приобретеній, хоть посредственнымъ путемъ пали бы крохотки и на долю народа, но цѣна была саншкомъ велика. Вѣдь медъ неоспоримо сладкая вещь, но протѣ про сладость онаго никто не рѣшится себѣ откусить языкъ и пальцы, а если

съ верхъ того знаеть человекъ, что этотъ медь разомъ исполненъ смертоноснымъ ядомъ, то, извѣстно, съ ужасомъ будетъ отчуждаться отъ такого лакомства. Напасть владыки, основанная на его заблужденіи или наложенная ему свыше, была тѣмъ противнѣе, что онъ воздвигъ свою волю на степень ненарушимаго догмата, прикосновеніе къ которому считалось у него достойнымъ наказанія преступленіемъ. Миръ въ оставленномъ Васнаіемъ Поповичемъ наслѣдін былъ нарушенъ, чистая вода возмущена и сердце одной части духовенства заражено тщеславіемъ ненасытнымъ, конечно, чуждымъ истинному званію.

Владыка продолжалъ говорить ко мнѣ въ множественномъ числѣ въ прежнемъ тонѣ. Поставилъ на видъ съ какими свѣтлыми надеждами занялъ онъ Архи-іерейскій престолъ. Именно онъ пришелъ съ пальмою мира въ епархію, а тутъ его благія намѣренія встрѣчаютъ одно сопротивленіе. Тѣ самые, которые одоажаются ему безусловнымъ повиновеніемъ, не обинзуются ставить ему всюду тормозы.

— Если бы вы мнѣ предоставили полную свободу дѣйствій, — сказала онъ, — то увидѣли бы, что надъ епархією Мукачевскою подъ коаткимъ временемъ возсіяло бы новое солнце. Слѣдовали бы за мною только тѣмъ путемъ, которымъ я васъ желаю вести, — наше шествіе равнялось бы торжественному шествію ко славѣ и благополучію. Каковы ваши намѣренія? Вы отдаете предпочтеніе войнѣ надъ миромъ?

Съ послѣдними вопросами онъ остановился

передо мною, снова скрестивъ руки на груди и упорно, смотря на меня, ждалъ отвѣта.

— Слова Вашего Преосвященства направлены ко мнѣ въ множественномъ числѣ, — отвѣчалъ я, — изъ того заключаю, что они относятся не ко мнѣ одному, но вообще къ обществу св. Василия и, ближе, къ предводителямъ его. Я еще очень молодъ къ тому, чтобы имѣть притязаніе причислиться къ заслуженнымъ передовымъ людямъ общества. Какъ живущій на провинціи человекъ, какъ сотрудникъ, привязанъ неслучайно къ мѣсту моего жительства, я не принималъ ни разу участія ни въ общихъ, ни въ комитетовыхъ собраніяхъ общества. Но, выходя изъ того положенія, что оно основанно двумя Архи-іереями не съ другою цѣлью, какъ бы послужить въ пользу народа, для его просвѣщенія и для поднятія его благополучія, потому и объ обществѣ нельзя полагать, будто бы оно преслѣдовало другую цѣль, какъ побудившую достохвальныя Архи-іереи къ основанію онаго, именно цѣль, заключающую въ себѣ исходъ осчастливленію народа. Можетъ быть избранный Вашимъ Преосвященствомъ путь расходится съ путемъ общества, и потому нарушенъ и миръ, котораго нарушеніе никакъ не могло быть на мысли основателей. Я не наващенъ правомъ говорить отъ имени общества, но знаю, что ни мало не отклоняюся отъ справедливости, если осмѣлюсь просить Ваше преосвященство: предоставить свободу дѣйствій обществу св. Василия Вел., пусть оно развиваетъ свои силы, какъ

оно хочеть и умѣть, и не сомнѣваюсь, что обоюдныя желанія завершатся желаннымъ согласіемъ. Тѣмъ, посланку потомки служить продолженіемъ жизни предковъ, свѣтлая жизнь Архи-іерея Василія Поповича возродится въ лицѣ Вашего Преосвященства.

Владыка выслушала меня терпѣливо, съ задумчивымъ видомъ, прошелася два-три раза по комнатѣ и уже больше не упоминала объ обществѣ. Но съ особенною благосклонностью стала меня спрашивать*) о смерти моего отца, о которой онъ былъ осведомленъ прежде моего прибытія въ Унгварь, далѣе, о моихъ обстоятельствахъ, о вдовѣ и осиротѣвшихъ дѣтяхъ покойнаго моего тестя Петра Раца, котораго онъ нѣкогда познавалъ и уважалъ, въ концѣ выразила желаніе: чтобы я чаще появлялся въ Унгварѣ, потому, что кто хочеть успѣять въ жизни, тому слѣдуетъ уровень держать съ духомъ времени, являться гдѣ слѣдуетъ и знакомиться съ людьми. Особенно приглашала меня явиться у него на третій день послѣ Рождества Христова, въ день св. первомученика Стефана, когда онъ обыкъ праздновать свои тезоименныя, и, по этому случаю, было приглашено много интеллигенціи на нмущее отбытіе въ тотъ день соображеніе въ дѣлѣ замѣненія календаря. Прежде, чѣмъ отпустила бы меня, какъ я его не увѣряла, что я не нуждаюсь въ деньгахъ, онъ открыла свой

*) «распрошаты»

письменный столъ и снабдилъ меня почти извѣстно деньгами на путь.

Въ концѣ сказала, чтобы я себѣ тотчасъ нанялъ извозчика и спѣшилъ домой, чтобы вѣрники мои не остались въ наступающемъ праздникѣ^{*)} безъ богослуженія. То было въ день на-вечерія Рождества Христова.

Я не ждалъ такого исхода дѣла и думаю, не ждалъ никто. Миѣ еще прежде моего прибытія въ Унгваръ довелось по случаю услышать како-во было намѣреніе епископа. Именно, въ Мукачевѣ, дожидаясь на почтовомъ дворѣ, пока приготавливается днаижансь къ отшествію, тамъ-же встрѣтились два старые священника, познававшіе меня только по имени, и межъ ними завязался такой разговоръ:

— Ты изъ Унгвара?

— Да, отъ Его Преосвященства. Я ходилъ хлопотать для моего зятя какое-то мѣстечко, но, къ сожалѣнію, упраздненныхъ парафій вовсе нѣтъ.

— Что самшала ты тамъ новаго?

— Молодого Сильвая позвала епископъ адъ аудіендумъ вербумъ. Придворные говорили, что его дѣло кончится отрѣшеніемъ отъ прихода, тѣмъ удобнѣе, что какъ разъ его отецъ умеръ. Не знаешь ты какая это парафія Сусково? Можетъ быть она пригодилась бы для моего зятя.

Межъ тѣмъ подошла днаижансь и ушла съ нами со двора.

^{*)} «наступающаго праздника»

Тѣмъ болѣе удивлялись люди надъ такимъ неожиданнымъ благополучнымъ исходомъ. У самыхъ придворныхъ при встрѣчѣ со мною протянулись уста въ приветливую улыбку, но она осталась чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Письмоводитель добро могъ слышать громкія слова епископа, сказавшаго при моемъ уходѣ на прощаніе: «Во вторникъ непременно прійди!» Полагаю, что у владыки со мною была въ виду какой то плачь, какой именно — мнѣ неизвѣстно, но онъ видимо хотѣлъ меня приблизить къ себѣ, отъ меня самого завнсѣла воспользоваться въ свою пользу его благосклонностью, за достиженіемъ которой безсомнѣнно соперничали понапрасну. Если бы въ моемъ характерѣ было хоть мало властичности, то мнѣ недолго бы приходилось коснѣть въ такомъ незначительномъ приходѣ, какъ Сусково.

Послѣ прохода чрезъ мѣстарства, я сталъ сожалѣть, возможно-ли мнѣ по требованію Владыки успѣть добраться до дому къ утру слѣдующаго дня, чтобы вѣрники мои въ нарочитый праздникъ Рождества Христова не остались безъ Богослуженія? Это было невозможно. По случаю смерти моего отца я, не смыкавши глазъ (за) цѣлую недѣлю, былъ до того утружденъ, что я едва держался на ногахъ. Слѣдовало бы еще одну ночь провести безсонно; то превышало мою силу, сверхъ того не хотѣлось мнѣ удалиться, не свидѣвшись съ своими пріятелями, а главный почтовый дванжансъ отправаяся въ Мукачево только утромъ слѣдующаго дня. Такъ я остался въ Унгварѣ и щедрый вечеръ провелъ

въ гостеприимномъ семействѣ профессора Кирилла Ант. Сабова, переночевалъ я у Виктора Фед. Кимака и, собравшись немножко [съ] силою, слѣдующаго дня отправился домой. Больно мнѣ вспоминать и донынѣ, что я принужденъ былъ провести праздникъ Рождества Христова въ путешествіи.

Въ урочный день св. Стефана первоученика въ самомъ дѣлѣ собралось у Владыки численное собраніе, но я остался дома и больше мнѣ не представлялось видѣть его, только когда онъ уже лежалъ мертвымъ на катафалкѣ. По стеченію обстоятельствъ, предъ кончиною Владыки было разослано чиновственное воззваніе по епархіи, чтобы церковный кругъ послалъ своего повѣренника на епархіальную конгрегацию въ Унгварѣ, имѣвшую совѣщать надъ рѣшеніемъ вопроса о замѣненіи древняго календаря новымъ. Изъ церковнаго округа Свалявскаго былъ избранъ я. вмѣсто совѣщанія мнѣ сошлось на похоронъ Владыки. Тогда было (19) Августа — 1 Сентября 1874 года.

Управлялъ онъ епархією (за) семь лѣтъ. Подъ этимъ краткимъ временемъ онъ успѣлъ удовлетворить свою личную амбицію отанчіями и чинами; исполнѣ-ли? Полагаемъ, посланку чело-вѣческое тщеславіе никогда не насытино, то и онъ не переставалъ-бы домогаться со степени на степень выше. Все дытъ и суета, кончающаяся узкою клетьюю подъ темнымъ подземнымъ сводомъ кафедральнаго храма, и больше ничего. Жившіе до него епископы бываи всегда главными

борцами за права церкви и народности; онъ былъ первымъ, кто становился въ разрывъ съ своею паствою и подъ краткимъ временемъ своего управленія успѣлъ причинить много вреда народному успѣванію. Правда, ему не удалось перенести ни одного изъ своихъ замысловъ, но удалось своимъ вліяніемъ воспользоваться для удаленія изъ Унгвара реневѣвшихъ дѣятелей общества; Русская Бесѣда перестала существовать, собраніе денегъ на имѣвшій основаться Народный Домъ прекратилось. Общество стало существовать только по имени, безъ дѣйствія, безъ собраній, безъ жизни. А что главное съ того времени нравственная зараза отъ владыки распространилась по всей епархіи, пытающіеся кровавымъ потомъ народа люди, не обижаясь возставити противъ жизненныхъ интересовъ своихъ хлѣбодателей и безъ того, чтобы ихъ лицо покраснѣло, величаться своимъ либеральнымъ начинаньемъ. До какого глубокаго упадка доводитъ данный свыше примѣръ и поощреніе! Иногда довольно было бы одного взора бл. п. Василія Поповича, чтобы слова подобныхъ говоруновъ замерли на языкѣ, теперь для нихъ не было никакой уады. Съ того времени происходитъ что, вмѣсто пословицы, началось примѣняться къ предводителямъ изреченіе св. писанія: Не надѣйтесь на князи, на сыны человѣческіе, въ нихъ-жъ нѣтъ спасенія.

Того года, безъ обычнаго представленія благочиннаго, тогдашній капитулярный мѣстоблюститель Антоній Чолей по собственному побуж-

денію выславъ мнѣ грамоту на званіе пароха съ 16 Октября 1874 г. подь числомъ 3611.

Слѣдовало епископство Іоанна Пастельн, сестренца покойнаго Стефана Панковича. Есть основаніе полагать, что отецъ его имѣлъ ввиду заблаговременно подготовить его для будущаго въ епископствѣ преемника. Съ его помощію и дѣйствиємъ избранъ онъ 1869 года въ сеймоваго и 1870 года въ автономическаго посла, неодолаго 1871 отачненъ титуломъ Архимандрита. Его вліянію приписуется расположеніе высшихъ сферъ въ пользу своего сестренца и устроеніе дѣла со взоромъ избранія его въ епископа, которое въ самомъ дѣлѣ и послѣдовало 1874 года 25 Ноября. На новаго епископа, какъ на овдовѣвшаго семейнаго челоувѣка, въ епархіи никто не возлагалъ безмѣрныхъ свѣтлыхъ надеждъ, общее возрѣніе было таково, что онъ изъ меньшаго прихода переселился въ лучший, безсомнѣнно и онъ самъ такъ понималъ свое положеніе. Такъ и было дѣйствительно. Напрасно было бы и ожидать отъ него большаго. О положеніи епископа успѣло утвердиться уже подь управленіемъ его предшественника такое убѣжденіе, что онъ долженъ служить послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Описыватель его жизни можетъ намѣтить, что подь его семнадцатилѣтнимъ управленіемъ открытъ воспитательный домъ священническихъ сиротъ-дѣвушекъ и алуменей въ пользу священническихъ сыновей, построена препарандіальная школа въ соединеніи съ конвиктомъ для буду-

щихъ пѣвдоучителей на пожертвованіяхъ духовенства и церкви, обновлены башни кафедральнаго собора, приобрѣтенъ большой колоколъ, и проч. Но что относится къ развитію народа, въ томъ дѣлѣ онъ или не могъ или не желалъ проявить ни малѣйшаго дѣйствія. Общество Василія В. не только не проявляло никакой жизни, но вслѣдствіи того обстоятельства, что чиновники онаго одинъ за другимъ, будучи похищаемы смертью, дошло до того, что не имѣло даже своихъ представителей, въ концѣ изъ всѣхъ остался одинъ писмоводитель въ лицѣ профессора Богословія Димитрія Гебея, по старательству котораго въ послѣдствіи Общество и возбуждено къ новой жизни. Не имѣя цѣли распространяться о дѣятельности епископа Іоанна Пастелья, я коснулся его жизни насколько было необходимо въ отношеніи моей автобіографіи.

Межъ тѣмъ семейныя мои обстоятельства измѣнились къ тому, что матушка моя Екатерина Лезега послѣ кончины отца прожила не совсѣмъ три года, захворала и 1873 г. 23 числа Августа скончалась. Съ того времени болѣе не существовало той связи, которая привязала меня къ мѣсту, при томъ и доходъ не былъ достаточно для умножившагося моего семейства, потому я желалъ получить лучший приходъ. Было извѣстно, что полученіе похода стояло въ зависимости отъ тѣхъ условій, которыя начальство ставило въ заслугу. Такою заслугою считалось старшинство и число проведенныхъ на маломъ или трудномъ приходѣ лѣтъ, построеніе приход-

скаго дома, школы, церквицы; вконецъ, въ просьбахъ обьыкло помогаться и число требующихъ воспитанія дѣтей и недостаточность средствъ, но это послѣднее обстоятельство не очень принималось во вниманіе. Что могло имѣть вѣсь въ мою пользу передъ начальствомъ, то я по службѣ могъ причисляться къ средней категоріи потому, что съ приближеніемъ 1880 года я былъ уже семнадцатилѣтнимъ священникомъ, подѣтѣмъ временемъ я успѣлъ окончить и привести въ порядокъ приходской домъ съ хозяйственными принадлежностями, построить двѣ школы, началъ строить и подвѣлъ подъ кровъ церковь, и, сверхъ того, провелъ комассацию земель. Въ исходѣ 1880 года окончень склепъ церкви и, хотя на ней еще не было главной башни, но было все готово, (такъ) что въ ней могло совершаться богослуженіе. Какъ насталь день храмоваго праздника Св. Николая Архи-епископа Миръ Анкійскихъ чудотворца, по полученномъ отъ епископа соизволеніи того же дня утромъ совершено благословеніе новосозданнаго храма и при стеченіи многочисленнаго народа не безъ душевнаго утѣшенія вознесена въ немъ первая безкровная жертва.

Послѣ исполненія этого моего желанія, исполнилось и другое, со взоромъ полученія новаго прихода, хотя и не того, который я просилъ. Одновременно между иными приходами былъ оглашенъ упраздненнымъ приходъ Влаговскій, къ комитатѣ Угочанскомъ. Это село лежитъ на окраинѣ прекрасной долины, пересѣкаемой рѣ-

кою Березавой, довольно видѣть эту долину одинъ разъ, чтобы человекѣкъ полюбилъ ее. Не медля я отправился въ Унгварь къ епископу съ тѣмъ рѣшеніемъ, что подамъ просьбу о полученіи прихода Влаговскаго. Епископъ выслушалъ меня и, вмѣсто прошеннаго, предложилъ мнѣ приходъ Реметскій, лежащій въ Турьянской долинѣ Унгварскаго комитата. Грамота о полученіи названнаго прихода выдана съ 11 числа мѣсяца Января 1881 года. Послѣ моего переселенія на мѣсто назначенія, слѣдовавшаго 2 Марта, вскорѣ получена мною другая грамота, съ 12 числа мѣсяца Марта того-же 1881 года, подъ числомъ 1146, по смыслу которой я наименованъ благочиннымъ церковнаго округа Турьянскаго.

Проведя одно время въ новомъ приходѣ и познакомившись съ мѣстными обстоятельствами, я долженъ былъ прийти къ убѣжденію, что съ переменною выигралъ я немного. Иногда этотъ приходъ, пока въ немъ существовалъ желѣзный заводъ, считался однимъ изъ лучшихъ, но съ прекращеніемъ прежняго промысла обстоятельства, что далѣе замѣнились къ худшему. Дѣлать было нечего. Оставшіеся въ живыхъ дѣти, подрастали, и забота объ ихъ воспитаніи немало беспокоила меня, я самъ не зналъ, какъ совладать мнѣ съ предстоящими затрудненіями.

Дѣти мои родились въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Марія родилась 1863 г. 10 Января. Умерла 1863 года 12 Ноября.

2. Несторъ-Павель родился 1865 г. 6 Февраля.
3. Миронъ Іованъ, родился 1867 г. 17 Августа. Умеръ 1872 г. 4 Апрелья.
4. Анисія, родилась 1871 г. 17 Января. Умерла 1872 г. 18 Декабря.
5. Нилъ родился 1873 г. 29 Октября.
6. Сіонъ родился 1876 г. 29 Января.
7. Зинаида родилась 1878 г. 12 Сентября.
8. Уріалъ родился 1881 г. 24 Апрелья.
9. Лавра родилась 1883 г. 2 Ноября.
10. Миронъ родился 1886 г. 23 Мая. Умеръ 1887 г. 28 Марта.

Думаю, что восточному духовенству придется еще долго дожидаться улучшения состоянія въ такой мѣрѣ, чтобы его жалованіе было достаточно для прикрытія необходимыхъ издѣжекъ. Отъ священника требуется, чтобы онъ представлялся въ обществѣ, соотвѣтственно своему званію, значить, чтобы онъ держалъ уровень съ равнопоставленными съ нимъ сословіями и въ веденіи дома, и въ воспитаніи дѣтей, и въ устроеніи ихъ судьбы и во всемъ. Считалось бы, положимъ, очень приличнымъ дѣломъ, если бы онъ могъ явиться въ шелковой рясѣ, а тутъ предъ нимъ завиднѣе и состояніе воробья, одареннаго природною одеждою, и не нуждающагося больше въ никакихъ сустахъ нитейскихъ. Если встрѣчается ктонибудь межъ многими, кто можетъ провести жизньъ безъ недостатковъ, долговъ, и затрудненій, то такого счастливца можно считать рѣдкимъ исключеніемъ. Я не могу причи-

слать себя къ подобнымъ счастливымъ исключеніямъ. Перебиваясь нзо дня въ день, если упразднился одинъ или другій лучший приходъ, я подавалъ просьбу получения онаго, но всякій разъ безуспѣшно. Послѣ испытанныхъ неудачъ мнѣ казалось лучше бы получить какое нибудь мѣсто въ городѣ, потому, что оно для воспитанія дѣтей было бы настоящимъ приобрѣтеніемъ. Такія мѣста открывались два раза. Именно, въ началѣ 1866 года въ Унгварскомъ богословскомъ лицейѣ упразднилось мѣсто профессора библейскихъ учебныхъ предметовъ, я подавалъ просьбу, но безъ успѣха. Во второй разъ 1887 года въ Унгварской гимназіи требовался профессоръ религіи, часть, состязующихся,*) было всѣхъ трое, съ ними и я изложилъ предписанный испытъ, но мѣсто получилъ другой. Хотя я къ тому издавна привыкъ, что мои желанія мало когда удавались, но одно несчастіе завершило всѣ прежнія, именно 1888 г. 1 Февраля мой шуринъ Викторъ Рауъ приходникъ Солочинскій, прежде овдовѣвшій, сошелъ съ ума и того же года 1 Іюня скончался въ Будапештской больницѣ, съ тѣмъ забота о пріютѣ его 4-хъ осиротѣвшихъ дѣтей перешла отъ части на меня, а отъ части на ихъ уйка, профессора Эмилія Тельманъ, живущаго въ Арадѣ.

Чиновство благочиннаго, которымъ изволилъ отличить меня епископъ Іоаннъ Пастельи

*) «состязателей»

я считала съ перваго числа бременемъ. Подъ вѣсьмъ временемъ, съ 12 ч. Марта 1881 г. до 1 числа Февраля 1886 года, я до того была загромождена всяческой чиновнической писаниной, что мнѣ не только не доставало времени для посторонняго занятія, но даже необходимаго для здоровія отдохновенія, инынѣ разъ краткость дня слѣдовало наверстать ночной работой. Наконецъ, такая тщетная работа мнѣ вполне надоѣла. Я подала просьбу, на основаніи поврежденнаго здоровія, объ увольненіи отъ чиновства благочиннаго, и она принята съ выраженіемъ признательности со дня 1 Февраля 1886 года, подъ числомъ 575.

Семнадцатилѣтнее управленіе Іоанна Пастельи, начавшееся съ 1874 года и длившееся до 1891, отначалося глухимъ затишьемъ. Пришедшій изъ прихода семейный человѣкъ, не переставалъ оставаться тѣмъ-же и въ епископскомъ своемъ достоинствѣ, прилагая все старательство, преимущественно къ тому, чтобы по возможности сабѣе устроить судьбу своихъ дѣтей. Словно онъ перемѣнилъ свой прежній приходъ на лучший,*) доставлявшимъ ему для цѣлей жизни болѣе богатые средства, чѣмъ прежде. Его дѣятельность ограничилась открытіемъ воспитательнаго для священническихъ сиротъ-дѣвушекъ и алумнея для священническихъ сыновей, а по настанванію правительства при немъ**)

*) «съ лучшимъ»

***) «подъ нимъ»

создана препарандіальная школа, вмѣстѣ въ соединеніи съ пропитанцемъ препарандіальныхъ студентовъ, и то на средства распределенныхъ жертвъ, вносимыхъ за пять лѣтъ епархіальными церквами и душпастьрями. Подъ нимъ еще обисполенъ назвиѣ кафедральный храмъ и снабженъ однимъ большимъ колоколомъ. А впрочемъ, надъ народнымъ успѣваніемъ разстелалась унылая тѣнь, прежніе ревные дѣатели сошли со сцены, а на смѣну имъ не явились новые. Межъ тѣмъ послѣдныя Панковичемъ сѣмена стали проявляться: въ пренебреженіи русскаго языка въ школахъ, препарандіи и богословіи разомъ уменьшилось число помагателей путемъ дешеваго патриотизма.

Епископъ не преслѣдовалъ народныхъ дѣателей, вѣдь собственно и не было кого преслѣдовать, потому, что не проявилось никакой жизни. Съ прекращеніемъ «Карпата» за больше годовъ не было ни одной часописи, пока въ концѣ Евгений Фенцикъ, приходникъ Порошковскій, изъ села не сталъ издавать газету «Аистокъ» и то на собственные издержки. Полагаемъ, что если бы проявилось хоть немного жизни, по всей вѣроятности епископъ подъ давленіемъ правительства, отъ милости котораго зависѣли его частыя субвенціи, принужденъ бы поступать по слѣдамъ своего предшественника, по самой той причинѣ, чтобы не оказаться непослушнымъ въ исполненіи тѣхъ обстоятельствъ, подъ условіемъ которыхъ ему удалось добиться

епископскаго сана. Что за поступками всѣхъ насъ слѣдили зоркія очи, явствуетъ изъ того, что 1885 года издатель Львовскаго «Слова» Площанскій, по случаю своего 25 лѣтняго редакторскаго юбилея намѣрялъ издать юбилейный номеръ, въ которомъ предполагалось напечатать по одной краткой статьѣ отъ тѣхъ писателей, отъ которыхъ въ теченіе истекшихъ 25 лѣтъ появилось что нибудь въ названной газетѣ. По тому случаю я послалъ небольшой стишокъ «Колокола» (см. 87 страницу). Цензура не допустила, въ газетѣ осталось только порожнее мѣсто. И, несмотря, что стишокъ не появился на свѣтъ, епископъ получалъ свыше приказаніе сдѣлать мнѣ выговоръ, что онъ и сдѣлалъ. И когда я ему показалъ подвопросный стишокъ въ рукописи, то онъ послѣ прочтенія изумился, не находя въ немъ ничего предосудительнаго. Позже тотъ-же стишокъ безъ всякаго измѣненія появился въ «Листку» и никто не дѣлалъ противъ него никакихъ изытій.

Естественно, при такихъ обстоятельствахъ, на лишенной всѣхъ жизненныхъ соковъ народной нивѣ не могло произойти ни малѣйшей растительности. Не было ни солнца ни воздуха. По недостатку газетъ и періодическихъ изданій не было ни писателей ни читателей. Не было поощренія къ работѣ, не было ни обмѣна мыслей, ни соединенія литературныхъ силъ. Тѣ немногіе люди, въ сердцѣ которыхъ еще не угасла искра любви къ своей народности, не могли надѣяться на

покровительство, или награду или хоть на признательность, но, насупротивъ, могли только страдать отъ мукъ вѣчно алчущаго и жаждущаго Тантаала, таѣющаго отъ внутренняго огня Медеагра.

У иныхъ племень, живущихъ самостоятельную жизнью, писатель или литераторъ — это человѣкъ, живущій для литературы и литературой, которая для него есть путь къ общезвѣстности и разомъ есть источникомъ, есть источникомъ доставляющимъ ему богатая средства къ жизни. У угорскихъ русскихъ, человѣкъ, рѣшающійся на литературное поприще, не можетъ прельщаться такими свѣтлыми надеждами. Онъ долженъ съ самаго начала смотрѣть на свое дѣло [не] какъ на свѣтлый родъ жизни, но какъ на миссію, соключенную съ самопожертвованіемъ, на постоянную борьбу за существованіе, за которую*) нѣтъ ни малѣйшаго возмездія. Нѣтъ возможности развить и проявить свое дарованіе въ присущей ему силѣ, но, насупротивъ, онъ принужденъ раздробить свой талантъ на мелкую монету и сообразиться со степенью образованности мѣстной публики, съ цѣлко домашней эфемерной потребности. Интеллигенція, не имѣвшая способа усвоить и полюбить родное слово, чтобы не оставаться вообще безъ духовной пищи, отдастъ предпочтеніе иноязычному чтенію; а престонародье далеко не развито до той степени, чтобы оно имѣло воспріимчивость къ насла-

*) «изъ за которой»

ждению, исходящему отъ уживанія духовнаго хлѣба. Вотъ и вся амбиція угрорусскаго литературнаго труженика заключается въ томъ, если его произведеніе прочтеть небольшой кружокъ подобныхъ ему людей, живущихъ разбросанно по всему протяженію*) Карпатскихъ горъ.

Еще далеко то время, когда Угорская Русь придетъ въ такое состояніе, что званіе литератора становится такимъ родомъ жизни, когда онъ будетъ жить для литературы и литературой. Больше чѣмъ вѣроятно, что такое состояніе не достигнется никогда. Нашъ литераторъ и впредь будетъ черпать свое одушевленіе изъ сознанія своего честнаго долга и на всегда останется идеальнымъ, но безъ той надежды, чтобы онъ могъ проявить во всемъ просторъ свои дарованія.

Что относится къ моей литературной дѣятельности, я принимала участіе въ нашихъ мѣстныхъ газетахъ, насколько позволялъ ограниченный объемъ этихъ газетъ. Въ нихъ попеременно появлялись мои стихотворенія, рассказы, повѣсти и юмористическія сочиненія. Стихотвореній до сихъ поръ собралось одинъ томъ, прочихъ сочиненій прозаическихъ — три тома. Надъ другими сочиненіями болѣе оцѣнилась читающей публикой появившіяся въ свое время юмористическія статьи, именно «Крайцаровая комедія», «Пупаки», «Однодневное царство», и «Люди въ желѣзныхъ шляпахъ». Эту послед-

*) «на всемъ протяженіи»

ною статью я въ послѣдствіи передѣлала на другую тему, и она въ рукописи совсѣмъ отличается отъ той, которая появилась первоначально въ печати.

Полагаю, что человекъ, какъ бы ни успѣшно шелъ его дѣла въ жизни, по его желанію, въ концѣ поприща никогда не бываетъ доволенъ (съ) достигнутыми имъ результатами. Если оглянется назадъ — видитъ, что значительная часть времени потеряна понапрасну и бесполезно. И при лучшихъ условіяхъ путешественникъ часто утруждается на пути, а въ нашемъ безнадежномъ положеніи: паденіе духомъ, апатія, и уныніе, бываютъ неотлучными нашими спутниками. Одинъ душпастырь, сверхъ того, по своему званію долженъ значительную часть времени посвящать душпастырскимъ занятіямъ; если онъ семейный человекъ, долженъ имѣть попеченіе о хозяйствѣ, о пропитаніи семейства; такимъ образомъ, онъ можетъ только досужное время посвящать на чтеніе, на дальшее свое образованіе, или на литературныя занятія. Что относится ко мнѣ, пристрастіе къ чтенію никогда не ослабѣвало во мнѣ; и дома, на досугѣ, на полѣ, среди работъ, оно было единственнымъ моимъ духовнымъ наслажденіемъ. Если я по необходимымъ занятіямъ препятствованъ былъ въ день, то я восполнялъ пропускъ ночью, на счетъ сокращенія сна. Поеланку въ душпастырствѣ проповѣдь слова Божьяго составляетъ первую и главнѣйшую изъ присущихъ званію должностей, я прилагала

старательство произносимыя церковныя слова излагать письменно, а въ большинствѣ случаевъ, когда не доставало времени, я произносилъ оныя и безъ приготовленія. Изъ нихъ — (При одобреніи Его Преосвященства Юлія, Епископа Мукачевскаго, со дня 30 Сентября года 1895 подъ числомъ 5845) въ печати могли появиться до сихъ поръ только «Надгробныя слова» подъ заглавіемъ «Другій свѣтъ» въ двухъ томахъ, благодаря тому обстоятельству, что его Впр. Викторъ Гебей, тогдашній епископскій генеральный Викарій, изданіе названнаго сочиненія принялъ на свой счетъ, и по особому благоволенію изволялъ меня наградить за трудъ 300 гульденами. Но изданіе долго отлагалось, разъ мой покровитель печально умеръ, и съ тѣмъ изданіе снова затормозилось. Въ конецъ Его Преосвященство, выше названный Епископъ, благоизволялъ издержки изданія принять на счетъ епархіальныхъ фондовъ. Такимъ образомъ первый томъ уже вышелъ изъ типографіи (1898) а второй неодолаго появится.

[20. мая 1899 года о. И. Славый былъ переведенъ приходскимъ священникомъ въ Новое Давыдково, гдѣ и скончался 13. февр. 1904 г.]

ВАЖНІЙШАЯ БІБЛІОГРАФІЯ О И. А. СНАВВАѢ (УРІАЛѢ МЕТЕОРѢ):

«Очеркъ угро-русской письменности», Листокъ, Ужгородъ, 1893, стр. 258; «Уріалъ Метеоръ», Мѣсяцословъ, изд. О-ва св. Василія Великаго на 1903 г., Ужгородъ, стр. 68—71; то же въ Мѣсяцословѣ на 1905 г. стр. 130—133; **Евменій Савонъ**: «Христоматія церк. слав. и угро-русскихъ памятниковъ», 1893, Ужгородъ, стр. 207; **его-же** — «Очеркъ литературной дѣятельности и образования карпатороссовъ», изд. О-ва им. А. В. Духновича, 1924, Ужгородъ, стр. 27. (перепечатка изъ «Христоматіи»); **Павель С. Федоръ**: «Очерки карпаторусской литературы со второй половины XIX ст.», Ужгородъ, 1929, изд. О-ва им. А. В. Духновича, стр. 52—56; **Д-р Володимир Бирчакъ**: «Литературні Стремлѣня Подк. Руси», Ужгород, 1919, 78—80; то-же, изд. II., Ужгород, 1937, стр. 128—133; **А. В. Поповичъ**: «И. А. Снаввай и И. И. Раковскій», изд. Народопроевѣтит. рады Нижне-Веречанскаго окр., Мукачево, 1929, стр. 3—35; **Евгеній Недзвѣльскій**: «Очеркъ карпаторусской литературы», изд. Подкарпаторусскаго Народопроевѣтит. Союза, Ужгородъ, 1932, стр. 210—220; проф. **П. Ан(шту)ръ**: «И. А. Снаввай (Уріалъ Метеоръ)», Русскій Нар. Голосъ, Ужгородъ, 1938, №№ 49—54, 96—103.

Изданія газеты „Русскій Народный Голосъ“

БИБЛИОТЕКА «СОДРУЖЕСТВО».

1. Васильей В. Добошь: Светил злоба, стихи.
2. Емельянь Д. Балещий: Вербный трепеть, стихи.
3. Тиберий Жидовичъ: На дужахъ жить, рассказы.
4. Андрей Патрусь: Плетью по совѣсти, стихи.
5. Дмитрій В. Рушакъ: Домашние люди, рассказы.
6. Федоръ В. Иванчовъ: Подъ соломенной стрѣхой, рассказы.

Цѣна каждаго выпуска Кч 5.—

Готовится къ печати:

7. Михайль Поповичъ: Рассказы.

«ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ за годы 1919—1936».
Сборникъ, статей 50 авторовъ и свыше 150 иллюстрацій изъ жизни и строительства П. Руси. Большой форматъ на плотной бумагѣ. Цѣна 70 кч.

Издательство «Письмена»:

- А. Бемъ: О Пушкинѣ, юбилейное изданіе къ 100-лѣтію смерти А. С. Пушкина. Цѣна Кч 15.—
- Урнль Метеоръ (Иванъ Сильван): Автобиографія. Къ 100-лѣтію рожденія И. А. Сильван. Портретъ съ факсимиле автора. Цѣна Кч 12.—

Складъ изданій:

«Русскій Народный Голосъ» въ Ужгородѣ, на Е. Фешкина, 11.
